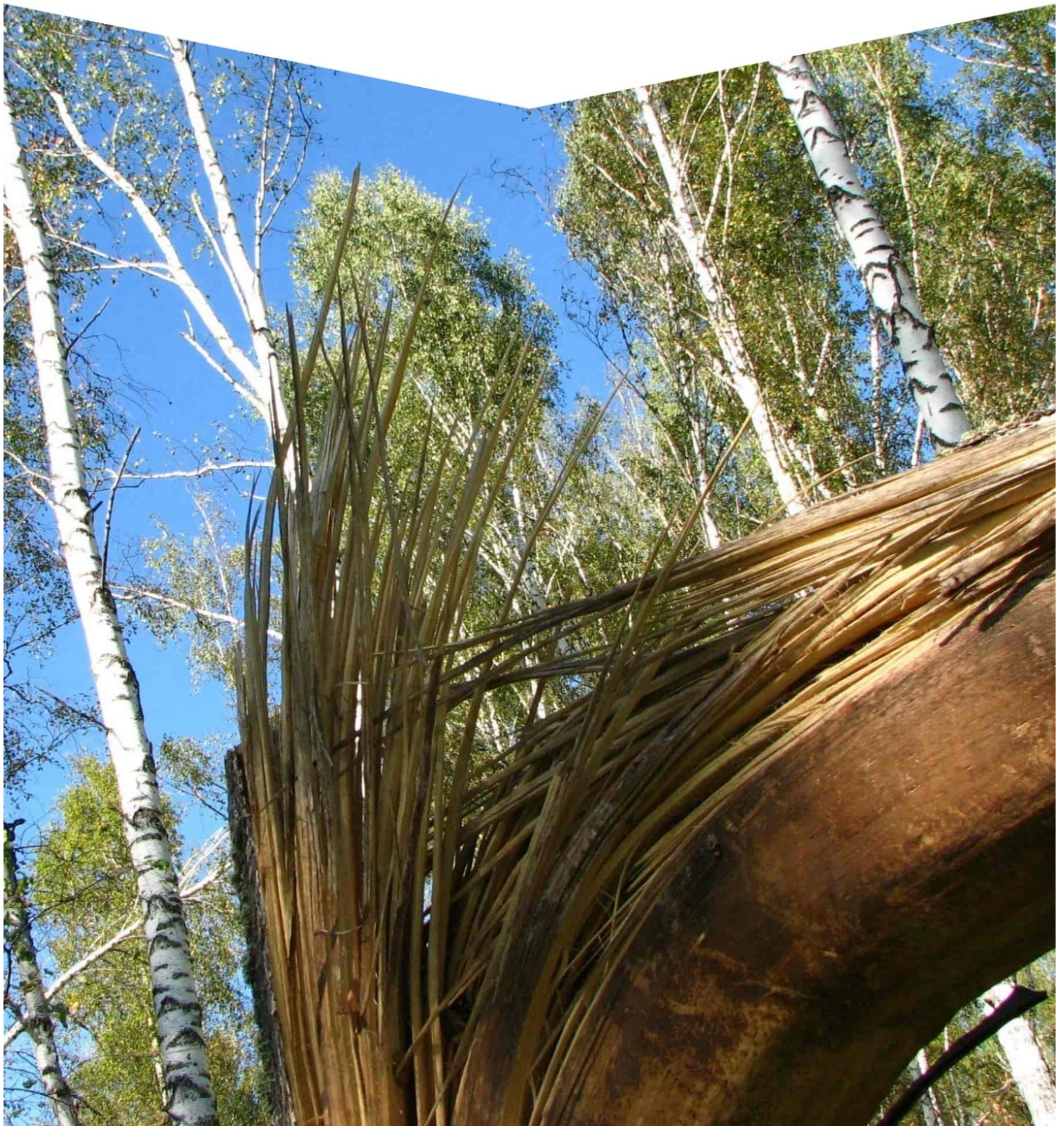

Всеволод Липатов

Сказки Безумного Леса

Всеволод Липатов
Сказки Безумного Леса

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Липатов В. М.

Сказки Безумного Леса / В. М. Липатов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Приключения Ивана и его друга Коника (конь) на дорогах Безумного Леса. Они ищут смысл предсказаний оставленных создателем этого мира - Великим Змеем Познания. И главная задача, это можно ли их изменить, так как Змей зачем-то предсказал гибель их мира. Им активно помогают хоббиты-мутанты. В общем, это пародия и на различные сказки и фэнтези.

© Липатов В. М., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

СКАЗКИ БЕЗУМНОГО ЛЕСА.

Мой сон на правах пролога.

Однажды мне приснился сон, не скажу, чтобы странный, и не такие снились, но все же... Слишком он уж реалистичен был. До сих пор запах подземной плесени и сырости в носу чувствуется, да так, что чихать хочется. Где-то капли стучат о каменный пол, и их звон мелким эхом по пещере носится, а на нервы действует так, что просто не в сказке сказать, не пером описать. Сразу же вспомнился кран на кухне, и мысль о сантехнике тут же некстати всплыла – когда ж он зараза придет. А вообще обстановка торжественная. Пещера громадная, высокие своды в темноте теряются, везде белые сталактиты и сталагмиты, очень красиво подсвеченные. Приятный полумрак, видно, что здесь классный дизайнер хорошо постарался. Прямо не пещера, а апартаменты графа Монтекристо или пещера из арабских сказок. Там тоже не дураки были под землей со всеми удобствами устраиваться. Вообще-то, надо признаться, что и звон капель был мелодичным, когда прислушался, то понял, то они какую-то мелодию выбивают. Как будто серебряные колокольцы тихую приятную музыку наигрывают.

Помню, что первым моим удивлением было то, что в пещере был сухой воздух, я еще подумал – это, наверное, мне с улицы показалось, что здесь сыро и мрачно. Оглянулся назад, нет ничего. Вернее черная-пречерная стена темноты, в ней какие-то искорки посверкивают, кажется, что что-то громадное движется и это бесформенное черное нечто вызывало очень неприятные чувства, тем более, что оно целеустремленно двигалось в мою сторону. Или мне это со сна так показалось.

Еще раз говорю, сон слишком уж живой.

Я еще подумал: н-да, откуда же меня черти принесли. И что-то мне туда возвращаться совсем неохота.

Куда я попал, в тот момент как-то не задумывался. Поживем – увидим. Во всяком случае, никакой опасности в тот момент я не почувствовал.

Посмотрел вперед, дорожка вперед прихотливо убегает, вьется среди пещерных наростов, но сбиться с нее невозможно: широкая, каменный пол отшлифован до блеска, да и освещена хорошо. Ну, делать нечего, надо идти вперед. Интересно же, что там, впереди, меня ожидает. Еще помню, успокаивал себя: это же сон, ничего с тобой здесь случиться не может. Просто вот сейчас возьму и проснусь, а вы такие загадочные, что хотите, то и делайте. Но решил не пока просыпаться, ведь хорошо знаю, что до утра далеко, а тут сон такой забавный приключился, не каждую ночь такое приснится. И очень интересно, что же дальше будет.

И пошел я по этой дорожке. Знать бы к чему она меня приведет, хоть и во сне, сразу бы проснулся. В общем, шел я, шел, еще не успели мне эти красоты надоест, и даже не устал, как обхожу очередную толстенную колонну, а на меня золотистое свечение наползает. Неяркое, а так, облачное. Рассеивается этот золотой туман и вижу, что на меня смотрит гигантский змей. Хотя даже сначала не его размеры заметил, а то, что у него несколько зрачков в каждом глазе, и сам весь золотой, от головы до кончика хвоста. Хотя хвост появился немного позже. Длинным этот змей был. И такой мощью и спокойствием от него веет, что я себя забыл, растворился в этом потоке силы. Кого-то он мне напомнил, а кого, хоть просыпайся, не могу понять. Но то, что такую тварь я никогда не видел – это точно. Помню, еще подумал: начитаешься на ночь глядя всякой всячины, а она потом начинает в твоём собственном сне безобразничать.

Мы долго смотрели друг на друга. Не знаю уж, о чем этот странный змей там думал, а мне говорить с ним почему-то совсем расхотелось. Я был поражен громадными размерами золотого змея. С тихим шорохом, откуда-то из темной глубины пещеры, наконец, появился кончик его хвоста. Он положил на него свою большую плоскую голову и неотрывно продолжал смотреть на меня. Кажется, что я для него был прозрачен, как хрусталь, и это было весьма неприятно, ведь у каждого есть тайны и темные пятна, о которых совсем не хочется распространяться

посторонним. И самому бы их забыть на веки вечные, но не получается. А он видел меня до самых темных и потаенных глубин моей собственной памяти. Я невольно поежился.

Неожиданно я услышал голос. Это я потом понял, что он у меня в голове раздавался, перекачивался среди мозговых извилин, а уши в тот момент ничего не слышали. Надо признаться, крайне неприятное ощущение. Во всяком случае, губы у этой змеюки не двигались.

– Так вот ты каков, мой избранник, – раздался даже не голос, а какое-то бормотание. Но надо сказать, громкое и отчетливое.

Вот тут я по-настоящему перепугался. Смысл слов был настолько многозначителен, что захотелось сразу же проснуться. Но, неимоверным усилием остатков воли, я подавил панику и спросил:

– Не понял, ты, что на мне жениться вздумал или в жертву хочешь принести. Так я категорически не согласен. Я буду жаловаться зеленым и в ООН.

–

Твои слова для меня не понятны.

Тут змей повернул свою плоскую голову назад и вдруг громко крикнул куда-то вглубь пещеры:

– Эй, Смертный, поди-ка сюда.

Тут же появился высокий человек. Из-под темных густых бровей на меня взирало два пронзительно синих глаза. Длинные черные волосы с еле заметными седыми прядями падали на могучие плечи. Незнакомец был крепким, хорошо сложенным мужчиной; поражала его необыкновенно гордая осанка, казалось, что вместо позвоночника у него был вставлен лом, его мускулистые руки были сложены на груди. Голову охватывал узкий обруч, сделанный из чего-то золотисто-белого, в него был вделан искрящийся камень. В камнях я не разбираюсь, но он был большой и красивый, а на его гранях стремительно мелькали крохотные яркие радуги. Но, как нестранно, они не слепили и не раздражали своей яркой и наглой красотой, как у обычных драгоценных камней, а наоборот, успокаивали глаза. На камень было приятно смотреть, он притягивал взгляд, завораживал.

Я почему-то сразу подумал, что передо мной стоит бывший король, или император. И одет он был под стать королю: черные кожаные штаны были заправлены в черные же сапожки. На плечи был накинут плащ, тоже черный, ниспадавший до земли. Из-под него торчал меч в ножнах. Одним словом, зрелище было впечатляющее. Золотой Змей и бывший король, причем оба живут в хорошо благоустроенной пещере.

Змей с недоумением спросил:

–

Ты это кого мне привел? Это, что и есть наш избранник?!

– Из того, что было, он лучший Великий, – ответил человек с легким поклоном.

– Обмельчал народец. Вот я помню, на заре юности этого мира были люди... – змей мечтательно закатил левый глаз, правый по-прежнему пристально, всеми четырьмя зрачками, смотрел на меня.

– Он справится, – твердо ответил человек. – А если не сможет сделать этого, то, что ж, будем искать другого.

– У нас времени нет, другого искать. Слушай внимательно и запоминай Избранник. Я повторять не буду.

На этих словах я проснулся... а может чуть позже. Короче, о чем они меня там просили, не помню, главное не съели, не надругались и то ладно. Но, через несколько дней, у меня случился странный зуд. Неожиданно для себя самого, мне так захотелось взять, да, написать что-нибудь, оставить, так сказать, для потомков, что-то большое, прекрасное и вечное. Ну, хоть как-то наследить в истории, чтобы обо мне была вечная память. И так мне сильно это желание в душу запало, что все другие хотелки в тот момент напрочь исчезли, а если и не

пропали до конца, то стали какими-то мелкими и незначительными. Долго я сопротивлялся этому позыву, как мог, боролся с внезапно возникшей страстью к писательству, но ничего не помогало. В конце концов, я все же смирился со странным желанием. И отчаянно отбросив в сторону все страхи и сомнения, я начал писать книгу. А про тот сон со временем совсем забыл, и оказывается совсем напрасно. Ничего так просто в этой жизни не бывает... и так просто не дается.

Самый Первый Тайный Разговор под Горой.

“– ...

– А что дальше будет, Великий Бо...

– Тихо, тихо Смертный, не надо имен. А то здесь всякие летописцы, хронисты, борзописцы, журналисты... ах, да, эти еще не родились, хотя потом будут утверждать, что они самые древние и первые. Так, о чем это я... запутался тут с тобой... не надо меня отвлекать по пустякам... а, вспомнил, всякая подозрительная братия вокруг шляется. А потом свои жалкие и лживые измышления на камнях долбят. Уже всю гору исписали. Ну и что, что гора из желтого сланца сложена, так сразу всю дрянь увековечивать?! – Грохнул обиженный голос. – Хоть бы у меня каких пророчеств послушали, так нет, сами анализируют и предсказывают. Не верят мне, что ли?

– Так что будет дальше? Чем дело-то закончится?

– А дальше... А дальше все будет только повторяться. И последующие, только извратят сам смысл своего существования, который я задумал для них. А смысл их бытия забудется в веках и поколениях. И будут они искать забытые ответы на вечные вопросы. Не находить и оттого страшно мучиться.

– Так что делать?

– Все равно будем строить свой мир. Нравится мне здесь. Столько много удобрений, палку сунь – сразу зацветет. Но для начала заведем здесь каждой твари по паре. Пускай живут и размножаются. Думаю, недели нам с тобой хватит, чего дракона за хвост тянуть.

– ...

– А потом про этот, Первый Мир, забудут. Причем напрочь и наглухо. И для последующих поколений он станет красивой сказкой, несбывшейся легендой, которую матери и старики будут рассказывать своим непослушным детям. И по людской привычке всё извратят, что не успеют забыть.

– А почему этот Первый Мир станет сказкой?

– Уф, какой ты глупый и любопытный, Смертный! Да потому, что будет бардак в этом мире, да такой, какого еще не знали ни в одной части познанной и непознанной подзвездной Ойкумены. И чем дальше, тем больше. И когда лопнет мое терпение, тогда лопнет и ткань мироздания, и разлетится все к такой-то матери.

– Значит, наступает Предначальная Эпоха местных миров, Великий?

– Нет, Смертный. Наступает Великое Начало Конца. Вот его-то и засунем в это дерьмо.

– А почему так будет, Великий?

– Да потому что я так хочу!

.....»

«Великие Изречения Великого Бормотуха».

«Из неопубликованного и недошедшего до наших дней. Скрижали дополненные и переработанные».

С чего все началось.

Или предсказания начались сбываться.

Этим прекрасным весенним утром ничто не предвещало тех странных событий, которые впоследствии потрясли Безумный Лес и его окрестности. Никто даже предположить не мог, что начали сбываться самые древние мрачные и смутные пророчества, которых, в царском хранилище, было много собрано. Кто и зачем начал собирать эту, никому не нужную, коллекцию, уже никто не помнил. Но весь большой пыльный и полутемный полуподвал под царским дворцом был полностью завален свитками, рукописями, какими-то дощечками, глиняными табличками, обточенными камнями, одним словом всем – на чем можно было долбить, царапать, карябать или писать свои мысли и наблюдения.

Но еще больше, по царству ходило устных рассказов. Их тихими зимними вечерами в кабаках рассказывали подвыпившие мужики, пугая друг друга. И чтоб совсем не впасть в ужас от различных пророчеств, предсказаний, предзнаменований они требовали себе еще по одной чарочке, да побольше – для храбрости. Ведь всем доподлинно известно, что Зеленый Змий самый страшный враг любого страха. Постепенно они доводили себя до состояния такой непомерной отваги и непобедимости, что казалось, могут все иноземные царства поколотить, и даже соседнюю улицу. Благо повод для нападения всегда найдется. Их жены тоже не отставали от них. Только они повествовали эти мрачные байки своим непослушным детям, доводя бедных до икоты и бессонницы.

Никто и никогда специально не изучал этих пророчеств, не искал тайный смысл, спрятанный в этих манускриптах. Впрочем, иногда, от скуки или от праздного любопытства какой-нибудь проезжий колдун тупо пролистывал толстые фолианты, чихая от пыли, пытаясь найти что-нибудь интересное, или просто разглядывал красочные картинки. А если таковых не оказывалось, то небрежно откладывал книгу в сторону.

Все ученые были уверены, что раз эти предсказания не доказаны, то их не существует. С пеной у рта они утверждали: их сочинил какой-то пьяный монах или все это – бред сумасшедшего. Так зачем мы должны верить этому абсурду. Нет уж, вы докажите сначала, что все здесь верно, и хоть когда-нибудь сбудется. Вот тогда-то мы поверим и примем соответствующие меры.

Короче, никто не верил в пророчества. И тупо продолжали не верить, с полным безразличием взирая на появляющиеся предзнаменования. Да и кто мог их правильно истолковать, если во всем Царстве не было человека, или какой-другой чистой и нечистой силы, кто хотя бы полностью прочитал все пророчества, задумался и правильно истолковал. Поэтому никто не замечал странные совпадения, которых становилось все больше и больше. В царстве все жили по принципу: пока Бормотух не чихнет – никто не почешется. А Великий Бормотух все не чихал – то ли здоровьем его мама не обидела, то ли жил где-то далеко-далеко и его чих здесь было не слышать.

Словом, Бормотух не чихал, а людишки, естественно, чихали на его предсказания. И на зловещие предзнаменования, которые вдруг стали появляться.

В царстве царила тишь да гладь и лесная благодать. Народ работал, Дума думала, Царь царствовал, дети бегали и смеялись, а их матери ругались между собой и с мужьями, когда они возвращались поздно вечером или ранним утром. Тут уж кто как мог.

В общем, все шло своим чередом, как и было, строго настроено, завещано предками, которые, как доподлинно известно, гораздо умнее своих непутевых детей. И уж плохого точно не присоветуют.

* * *

В то позднее утро Иван проснулся как обычно, с тяжелой головой и сухостью во рту. Мутным взглядом посмотрел на солнечный луч, проскользнувший в щелочку занавески и упавший ему на грудь, и вздохнул. Вздохнул тяжело, понимая, что Елена уже знает, чем он занимался всю ночь. И оправдания типа того, что «выполнял очередной царский наказ» – не пройдут.

«И откуда она все знает, – тяжело шевельнулась мысль. – Кажется все друзья надежные, проверенные не раз. А стоит засидеться в пивнушке, пообщаться как следует со старыми знакомыми, зайти к кому-нибудь на огонек – и все... Елена у же встречает около порога. И когда она спать ухитряется, – в очередной раз удивился Иван. – Вот узнаю, кто этот доброхот, все гляделки вырву, вместе с языком, и Карабасу отдам. Пускай их для куклы приспособит. А что, для кого-нибудь щелкунчика в самый раз подойдет, – вяло воодушевился Иван. – Пускай на сцене щелкает, чем по порядочным дворам шляться, и сплетни разносить».

Эти мысли посещали его частенько, почти каждое утро, но именно сегодня отчего-то они были уж очень мрачными. И тяжелыми. То ли действительно вчера слишком сильно поругался с Еленой, то ли опять что-нибудь в медовуху подсыпал проклятый кочмарь. Но как бы там ни было, своего добросовестного доносчика он искать пока не торопился, резонно рассудив, что рано или поздно тот как-нибудь все равно попадетсЯ.

Иван встал со старенького коврика, неуверенно держась за стену. Ноги были ватными и дрожали, потолок упрямо съезжал куда-то в сторону, несмотря на героические усилия Ивана удержать его в приличном положении, а пол был похож на палубу кораблика во время сильного шторма. Солнечный свет нестерпимо резал глаза. С большим трудом он подошел к большому, во весь рост зеркалу, внимательно посмотрел на отражение и содрогнулся. Чувство отвращения ко всему отраженному в стекле потрясло его до самого нутра. Ему стало совсем плохо, к бледности на лице добавилась легкая зелень, внутри что-то неприятно задрожало и напряглось. Казалось сердце бешено колотиться у самого горла, а желудок сжался в крохотный комок. Иван задышал часто-часто, нервно сглотнул и тихо пробормотал:

– А ведь все начиналось вчера так славно. Потом этот сказитель откуда-то взялся со своими чертовыми байками, совсем нас запугал. Пришлось храбрость свою восстанавливать. А вот что же потом было?.. Что-то не вспоминается. Но, кажется все цело, ничего не болит.

Он внимательно, насколько хватило сил и поворота негнущейся, отлежавшейся во время сна шеи, осмотрел себя.

– Немного мятый, но так, вроде ничего. Все цело, даже не грязный. Значит, вчера никуда не ходили. Вот и хорошо, вот и славненько. Значит, Елене нечего на меня дуться. – Сделал он радужные выводы. От этого на душе немного полегчало.

Кряхтя и покачиваясь, он вышел на крыльцо, осторожно спустился по высоким ступенькам и жадно припал к большой дубовой бочке с дождевой водой. Напившись и умывшись, он понял, что утро в самом разгаре. Солнышко не по-весеннему тепло пригревало, птицы пели в высоком синем небе, многочисленная домашняя живность весело и бездумно сновала по большому двору, что-то жуя, клюя, грызя. А также гавкая, хрюкая, кудахча, обсуждая какие-то свои животные дела и проблемы. Но в этой жуткой утренней какофонии звуков, – как показалось Ивану сначала, голова-то болела, и его ничего не радовало, – чего-то не хватало. Чего-то важного, необходимого и привычного.

Иван огляделся, Елены, его горячо любимой красавицы жены, нигде по близости не было видно и слышно. Оттягивая неприятный разговор, он, через весь двор, лениво пиная попадавших жирных куриц, побрел в конюшню. Его верный друг и товарищ по многочисленным приключениям грустно поднял морду от большого ведра с водой. Глаза печально посмотрели на Ивана. В них стояло такое страдание и глубокая тоска, что Иван невольно содрогнулся. Ему до слез стало жалко Коника.

– Что, дружище, плохо? – Он погладил Коника по мокрой морде. Зря я тебя вчера с собой взял. Но кто же знал, что этот чертов бард в кабак притащится.

– Да уж, страстей он вчера напел – жуть. До сих пор поджилки трясутся. – Ноги у коня действительно мелко-мелко дрожали. – Давненько я таких страстей не слушал.

– Пророчества Великого Бормотуха без специальной подготовки никто не может слушать. Кроме какого-то Смертного.

Друзья невольно поежились, вспоминая вчерашние пророчества, которые весь вечер гнусаво и фальшиво пел случайно зашедший сказитель. Коник опустил голову в ведро и шумно втянул в себя холодную воду. Потом поднял голову и спросил:

– А чем все-таки дело закончилось?

– Какое дело-то? С прогнозом или как домой добирались?

– Оба.

– Не помню, – честно признался Иван. – Но, кажется, ничего кроме головы не болит. Значит, посидели тихо, мирно. А предсказывать будущее, сам знаешь, дело неблагодарное.

– А жаль, что не помнишь. Интересные вещи он пел. Знать бы, что будет дальше...

– Сейчас сам попробую заглянуть в наше ближайшее будущее. Ну, во-первых мы сейчас...

На этих словах скрипнула входная дверь. Иван спиной почувствовал надвигающуюся опасность. Коник заворожено смотрел куда-то ему за спину, в больших влажных темных глазах метнулся испуг; потом он опустил морду, жесткая нечесаная грива закрыла глаза. В наступившей тишине в ведро с водой звонко падали капли с его морды. Казалось, в конюшне, застыл сам пыльный, прогретый солнцем и настоянный на травах, воздух. Иван осторожно, нехотя обернулся. В дверях стояла Елена. Яркий солнечный свет просвечивал насквозь легкий сарафан, четко прорисовывая великолепную фигуру. Что она держала в руках, Иван рассмотреть не мог, ослепленный этим зрелищем и солнцем, бьющим из-за ее спины. Его товарищ тихо и обречено вздохнул.

– Доброе утро. – Без тени ехидства или злости напевно протянула Елена. У нее был западный протяжный говор. – Как я вижу, друзья опять собрались вместе и пытаются предсказать свое будущее. Стой! Куда пошел?! – Она вдруг повысила голос. Это Коник, прикинувшись, как всегда в случае острой опасности, например, как сейчас, или крайней необходимости, бессловесной скотиной, трусливо попытался отойти в дальний угол конюшни. Она неторопливо продолжила, когда Коник покорно застыл над своим ведром.

– А ближайшее будущее у вас – самое мрачное. Сначала оба отправляетесь на огород пахать землю. Потом привезете воды во все бочки. И смотрите – про баню не забудьте. Потом надо привезти дров. Вот такое ваше светлое будущее на сегодня. А потом я вам напроорочествую еще чего-нибудь столь же хорошего и приятного. Так что вы, болезные мои, не ломайте голов из-за таких пустяков, они все равно у вас сегодня ни на что не годятся.

Компания молча внимала мрачноватым предсказаниям Елены. Оба понимали, что с ней сейчас лучше не спорить. И сегодняшнюю их судьбу не изменить никакому колдуну. Эти пророчества должны обязательно сбыться.

– И учтите, никаких царских наказов, случайных встреч, вы меня понимаете, о чем я толкую, у вас не будет. И не вздыхайте так тяжело, – и неожиданно добавила. – Ну, ты то, ты то – конь, животное, с самим Гераклом общался, а туда же, по кабакам шляться. Тебе же нельзя.

– А что Геракл, он тоже человек, – пробормотал Коник в ведро с водой.

Иван, незаметно от Елены, толкнул его локтем. Сейчас спорить и возмущаться было крайне опасным. Коник еще ниже опустил голову, уткнувшись мордой прямо в воду и вздохнул, видимо, что-то вспоминая.

Ни Иван, ни Коник не обратили внимания, что вода в ведре вдруг стала очень спокойной, морщинки волн, пробежавшие по ней от дыхания коня и капель, стекавших с его морды, вдруг исчезли. Поверхность разгладилась и стала напоминать темное стекло. В глубине ведра стремительно мелькнули какие-то тени, очень похожие на худое лицо, внимательно смотрящее из воды. Тени мелькнули и также внезапно исчезли, а поверхность воды снова ожила, заволновалась. Но занятые своими горькими мыслями друзья не уловили этот краткий миг странного поведения воды.

– Итак, будущее ваше вам известно. Вопросы есть? – Спросила Елена, внимательно глядя на них.

Друзья дружно молчали, переминаясь с ноги на ногу и отводя глаза в сторону. Елена плавно развернулась и вышла из конюшни. Через минуту ее напевный голос раздавался с другого конца двора. Человек и конь с облегчением вздохнули.

– А что это у нее в руке было, такое черное, – задал риторический вопрос Коник. Иван промолчал. – Неужели опять тещин подарок из сундука вытащила. Быть беде.

На свадьбе Ивана с Еленой, ее мать подарила доченьке небольшую гибкую дубинку. Говорят, это оружие каких-то заморских копов. Синяков от нее не оставалось, но было очень больно. Это приданное очень пригодилось Елене в первый год семейной жизни. Владела она дубинкой мастерски. Но вот уже три года как тещин подарок лежал в сундуке, под горой всякого старого тряпья. Иван как-то хотел дубинку выкинуть, но потом передумал и спрятал ее туда.

– А ты говорил, что хорошо спрятал. Что теперь делать будем?

– Перво-наперво надо горло промочить, а то смотри какая жара во дворе. Вот только где взять?

– Посмотри под скирдой, кажется, вчера там что-то булькало.

Через полчаса друзья уже весело покидали двор. Им казалось, что сейчас для них любая работа по плечу. Они весело шурились на солнце, широко улыбались и вообще имели вполне довольный вид.

Конь весело тащил телегу, на которой гордо восседал Иван. Черные как смоль волосы были аккуратно расчесаны, их стягивал яркий хайратник. По лицу блуждала довольная улыбка, а глаза весело смотрели на начинающийся пригожий весенний день, на ранних прохожих. Он приветственно помахал рукой своим знакомым мужикам, озабоченно пересчитывающим стружку, мелкую местную денежку, хлопнул вожжами по крупу коня и покатил вдоль улицы.

Елена подозрительно посмотрела на них из окна, но ничего не сказала.

Казалось, все шло как обычно. И никто даже и подумать не мог, что Пророчества уже начали сбываться.

Пока наказанные пахали огород, возили воду из дальней реки, незаметно наступил вечер. В кабаках зажглись огни, с завистью посматривая на них, прислушиваясь, к начинающему набирать веселую силу, шуму голосов за их гостеприимными стенами, друзья только сглатывали слюну и грустно качали головами. Но делать было нечего, Еленины предсказания надо было выполнять в точности, и желательно в срок. К этому времени у них оставалось самое последнее задание, привезти дров. Этот наказ был самым сложным.

В вечернюю пору ни Иван, ни Коник, по своей воле, в лес бы не пошли. Не то что там было опасно, а так, зачем лишний раз искать приключений на свои головы. Их и в городе всегда хватало. Да и состоя на службе у Царя, они видели такое, что лишний раз вспоминать не хотелось. Правда, они всегда выходили из воды сухими, ну, или почти сухими. Но главное, что живыми и без значительного ущерба для внешнего здоровья. Так что опыт общения с лесной силой и нечистью у них имелся. А вот топтать в такую даль, когда твои друзья уже пропустили по первой, такой вожденной после дневной жары, кружке с медовухой и служка торопливо несет еще гроздь кружек с пенящимся напитком, ох, как не хотелось. А как им мечталось побыстрее оказаться в кругу друзей, медленно потягивать из большой глиняной кружки крепкий сладкий напиток. Вспомнить вчерашние события, да так, чтоб дружным хохотом задувало свечи на столе. В общем, все их помыслы сейчас были там, в душном кабаке, за широким столом, пока еще чистым, где под низким и прокопченным потолком висит древняя люстра. Кто ее принес и повесил, уже никто из завсегдаев кабачка не помнил, но она была для них чем-то вроде талисмана, их небольшой, но ревниво и тщательно охраняемой тайны. Они так и говорили: «Посидим под люстрой. Качнем висюльками». Они свято верили, что непосвящен-

ные не поймут их намеков. Но жены мужиков уже давно догадывались о значении этой фразы, поэтому сразу начинали подозрительно спрашивать своих мужей о том, куда это они навестрились на ночь глядя.

А что ждало Ивана с Коницом в лесу? В лучшем случае вопли разной нечисти, грозные бормотания филина, да упругие ветви деревьев, которые почему-то ночью всегда становятся длинными и хлесткими. А то, бывало, начнешь сухостой какой-нибудь валить, а под ним Леший спрятался. Потом будет всю ночь донимать своими нудными рассказами о своем плохом житье-бытье. Уж лучше бы пугал, как и полагается лесной нечисти ночью. А в худшем... Нет, лучше не думать о таких встречах на ночь глядя. Лес славился своим непредсказуемым характером и странными встречами. Одним словом – Безумный Лес.

– Ну, что в лес пойдем, или как обычно? – На всякий случай спросил Кониц.

Иван нерешительно остановился, внимательно оглядывая пустынную по ночному времени улицу. Вернее будет сказать – вечернему. После дневных забот и тревог народ разошелся кто по домам, а кто по кабакам и друзьям. Все были заняты ужином и поправкой здоровья, это кто не смог этого сделать днем. А иные счастливы уже добавляли, с чувством превосходства поглядывали на невольных страдальцев. Это уже потом, за полночь, начнутся хождения по гостям или из гостей, когда хозяевам надоест честная развеселая компания и ее попросят выйти за порог, а ведь гулять еще ох как хочется. И вот уже по проторенной дорожке гуляки ныряли в заветные двери родных кабачков. А потом потянутся из кабака в кабачок те, кому отказали в кредите, или за недостойное поведение намяли бока вышибалы или сами посетители. И уже за полночь начнутся поиски пропавших друзей или потерянных кошельков и вещей. А то и просто народ весело выходит на свежий воздух, чтоб беззаботно пройтись по улицам родного города с громкими песнями и лихими танцами, если ноги еще держат. Этим гулякам так же громко и беззлобно будут отзываться дворовые псы, для них хоть какое-то развлечение долгой ночью. И редко-редко мужики ходили улица на улицу или в другой какой кабачок, чтоб выяснить только им понятные отношения с такими же полуночниками. Это продолжается всю ночь, до первых петухов. А пока на улицах города было тихо и пустынно.

– В лесу сейчас темно, поди всякая нечисть уже повылазила. – Продолжал ныть конь. – Пока туда, обратно и ночь на сухую пройдет.

Они стояли на широкой и прямой улице перед царским подворьем. Называлась она Императорский проспект. Кто такие Императоры, уже никто не помнил. Старый дворцовый колдун и пьяница утверждал, что это что-то вроде царей, только поглавней будут. Но ему по привычке не верили. Потом этот колдун куда-то сгинул. Смысл слова «проспект» тоже затерялось где-то в глубине исторических эпох. Но к названию все привыкли, и поэтому никто не ломал голову, что бы это значило. Кроме вышеозначенного колдуна.

Императорский проспект пересекал весь город: одним концом упираясь в широкую реку, а другим – в деревянную стену, отгораживающую город от Безумного Леса. Все понимали, что это хлипкая защита от загадочного соседа, но укреплять стену никто не торопился, надеясь, что ничего страшного из его дебрей не вылезет. Проспект был центральной улицей города, и потому был замощен камнем, его время от времени ремонтировали, и по праздникам даже подметали.

Кроме Царя, вдоль Проспекта жили самые богатые и почитаемые горожане: бояре и купцы. Рядом с царским дворцом стояли высокие красивые дома придворных советников. Напротив дворца возвышался темной громадой замок воеводы Красноноса, его огораживал высокий каменный забор с железными воротами. Рядом с царским дворцом, по левую сторону, за ажурным железным заборчиком стоял красивый трехэтажный дом с вычурной колоннадой и балкончиками, высокими тонкими шпилями на крыше. Там жил со своим многочисленным семейством Железный Дровосек – казначей царского двора, главный банкир города,

он же главный торговый советник. Вдоль проспекта стояло несколько уважаемых элитных трактиров для золотой боярской молодежи.

Но сейчас на проспекте никого не было, только перед царским дворцом, возле ворот, прохаживалось два стражника. Они с завистью смотрели на ярко освещенные окна караулки, откуда доносились радостные крики. Вдоль улицы кое-где горели фонари и факела. В основном они освещали входные двери трактиров, чтобы припозднившийся путник непременно заглянул на приветливый огонек.

Не доходя до дворца, Иван решительно повернул коня между заборами, и друзья нырнули в темень кривого и пустынного проулочка. Пыльная дорожка затейливо вилась между небольшими уютными домишками. Здесь уже шла совсем другая жизнь. В таких домиках селились ремесленники, приказчики из магазинов и прочий, неплохо зарабатывающий, но незнатный люд.

Городская гольтьба и нищие, как могли, устраивались на самой окраине города, возле крепостных стен. И даже за ними, но это в основном те, кому терять уже было нечего и не убоявшиеся ночного Леса.

Стараясь не шуметь, поминутно озираясь, друзья добрались до длинной высокой стены, сколоченной из толстых, широких досок. Она занимала добрую часть проулочка. Это была задняя стенка царских сараев. Здесь было особенно тихо и безлюдно.

Иван внимательно оглядел улочку, ничего подозрительного не заметил и без лишних слов вытащил небольшой, специально припасенный для такого случая ломик. Засунул в знакомую щель и с тихим скрипом отодвинул несколько досок. Еще раз оглянулся и стал сноровисто вынимать из щели поленья. Через несколько минут телега наполнилась, он закрыл ее дерюжкой. Задвинул доски на место, придирчиво оглядел стену и, взяв Коника под уздцы, торопливо пошел к выходу. В противоположную сторону, с которой они пришли. Только отойдя подальше от царского дворца и поплутав на всякий случай по улицам города, он шумно выдохнул.

– Кажется, никто не заметил, – с облегчением выдохнул он. – Все, это в последний раз. А то уже царские дровишные что-то подозревать стали.

– Вань, – ехидно спросил конь, – ты сколько раз это говорил за зиму?

Своих дров на зиму у них было заготовлено много, и когда они жили одни, им таких запасов вполне хватало. Но с приходом Елены в дом, многое изменилось. И дров стало не хватать, сколько ни заготовливай.

– Нет. Все, хватит. Сейчас весна, не холодно, – оправдывался Иван. – Будем теперь ездить в лес. А то неровен час – заметут.

Коник только весело качал головой и взмахивал хвостом и гривой. Не верил он Ивану, для них этот разговор был привычен. Всю зиму, после каждого набега на царские дровяные склады, Иван говорил, что это в последний раз. Но когда приходило время снова ехать в лес, ноги сами их приносили в этот проулок. Иван боялся не того, что его поймут царские дровишные, перед Царем он как-нибудь выкрутится, не впервой, а того, что приходится воровать. Сам этот факт его немного расстраивал, но он ничего не мог поделать с собой. Ну, не хотелось ему тащиться в лютый мороз в лес. На охоту с друзьями – другое дело. Или просто с Еленой прокатиться по накатанному зимнику. А за дровами... ему казалось как-то глупо и даже не солидно. Но после этого, всегда было как-то тяжело на душе.

Так, за разговорами, торопливо проходя мимо открытых по весеннему времени дверей и окон домов, незаметно добрались до своего подворья. Иван тихо открыл тяжелые ворота подворья и придержал их, пока Коник торопливо втянул телегу. Также тихо он закрыл ворота, хорошо смазанные петли даже не скрипнули. Поспешно задвинул засов и поспешил вслед за Коником к дровяному сараю. Их по-прежнему окружала тишина ночи. Стараясь, быть незамеченными и держась подальше от освещенных окон дома в тени, они тихо проскользнули через широкий двор. Иван, также поспешно открыл двери, а конь втянул тяжелую телегу в сарай.

Ворота тихо закрылись. Иван зажег лампу и стал быстро разгружать дрова, складывая их в поленницу. Он торопился, вечер уже в самом разгаре, в его любимом кабаке «Лесной удел» поди уже собралась вся теплая компания. А его нет, непорядок. Может снова придет давешний рассказчик, тогда можно будет опять всласть попугаться. А может и сам, расскажет что-нибудь из своей богатой приключениями жизни.

– Ну, что, мы еще в лесу? – Спросил конь, переводя дыхание. Почему-то последняя часть операции была самая волнующая.

Иван задумался. После сегодняшнего разговора с Еленой брать Коника с собой было опасно. Но оставлять его болезного тоже очень не хотелось. Вон как жалостливо смотрит, прямо вся душа переворачивается. Да и как самому гулять, если знаешь, что твой друг в темной пыльной конюшне сеном хрумкает и хвостом оводов отгоняет. А, была не была! Где наша не пропадала. Сегодня он и так хорошо поработал, так пускай хорошо отдохнет. Тем более жажда стала мучить друзей все сильнее.

Иван обречено махнул рукой и пошел вглубь сарая отодвигать старый огромный шкаф. За ним показалась маленькая дверца. Эту потайную калиточку на улицу еще отец Ивана делал. И когда сын подрос и стал хаживать по вечерам за родной двор, он поделился своей маленькой тайной. Кроме них двоих, да еще Коника, про заветный выход никто не знал. Выходил он в маленький тупичок между заборами, а со стороны улицы этот тупичок прикрывали здоровенные кусты, через которые даже зимой ничего не было видно. Конь, нетерпеливо переступал неподкованными копытами по деревянному полу дровяника и, прядая ушами, настороженно прислушивался к звукам со двора. Потом сказал:

– Слышь, Вань, а ведь настучат на нас. Как пить дать настучат.

Иван в этот момент возился с замком и потому ответил невнятно.

– Что, что? – Спросил Коник.

– Я говорю, не каркай, – потом помолчал и добавил. – Попался бы мне этот... – и вдруг замолчал, потом, справившись с замком и тихо открыв дверь, процедил сквозь зубы. – Не каркай, значит... ну, ну, надо бы поговорить с этим дятлом.

Коник не обратил внимания на бормотания Ивана, мало ли какие мысли могут прийти в голову к другу, надо будет, расскажет сам. А сейчас он был весь в предвкушении наступающего вечера. Друзья протиснулись через дверь, плотно прикрыли ее за собой и бодро зашагали в сторону любимого кабака, где их ждали нехитрые мужские радости и развлечения. О завтрашних последствиях они постарались забыть. Не хотелось портить такой дивный вечер будущими переживаниями, трезво рассудив, чему быть – того не миновать.

* * *

Елена сидела возле открытого окна и вязала. Стальные спицы, подаренные ей матушкой на день рождения, быстро голубовато поблескивали, отражая свет ламп. Клубок с красной нитью катался по полу. Из-под стола за ним внимательно наблюдал черный пушистый котенок. Вот он прыгнул, упал сверху на клубок, перевернулся на спину и подбросил его вверх всеми четырьмя лапками. Потом вскочил и опрометью бросился обратно под стол. Нитка зацепилась за его хвост, выгнутый трубой, и натянулась. Елена досадливо дернула ее, подтягивая клубок ближе к себе. Котенок, прижав уши к голове, рассержено зашипел и метнулся в угол, под кресло и оттуда блеснул ярко-зелеными глазами.

В углу в кресле вздохнула Глафира, она досталась Елене вместе с Иваном. Она была его кормилицей и няней в детстве, и когда родители Ивана неожиданно пропали, продолжала присматривать за ним. А со временем стала незаменимой помощницей и ближайшей подружкой его жены. Хотя Глаша, как ее все называли, была чуть ли не старше ее матери. Именно она помогла на первых порах обуздать Ивана и его верного друга Коника. Чувствуя поддержку

Елены, она грудью вставала в дверях перед их друзьями, когда они по привычке заходили к нему на огонек.

– Иван опять куда-то отправился с Коником, – никому не обращаясь, проговорила она. – Что там в этих кабаках, медом для них намазано?

Елена посмотрела на темный двор, потом перевела взгляд к черному бархатному небу. Звезды равнодушно подмигивали ей из своей недоступной выси. Было весеннее новолуние, именно сейчас просыпались от зимней спячки обитатели Леса. И в дремучих чащах начиналось веселье. Все праздновали приход долгожданной весны.

– Что-то тревожно мне Глаша. Как-то все не так идет.

– Да, что не так. Все как обычно. Весна дружная, ранняя, слава Богу зиму без приключений пережили. Вон, даже Ванька с Коньком перестали приключений искать. Радоваться должна. – Глаша отложила в сторону свое вязание, встала и подошла к столику.

– Елена, тебе сочка березового налить.

– Понимаешь, какие-то смутные предчувствия...

– Ээээ, милая, это на тебя, наверное луна так действует.

Вдруг в окно влетела черная и взлохмаченная большая птица.

– Карр, – дружелюбно поприветствовал женщин Ворон. Он важно прошелся по столу, топорща перья. Сунул клюв в стакан с соком, который налила Глаша, брезгливо стряхнул каплю сока с клюва, презрительно скосил черный круглый глаз на котенка, зачем-то выглянул в окно, покрутил головой и подлетел к креслу, в котором сидела Елена.

– Здравствуй девочка, – с ласковой хрипотцой проговорил он ей прямо в ухо. Елена досадливо дернула головой и сморщила носик.

– Опять пьяный прилетел.

– Не пьяный, а выпивший. Пора научиться понимать разницу. Пьяные не летают, а на дороге валяются.

– Ну, чего тебе опять надо, – Глаша с неприязнью смотрела на Ворона. – Сказывай, чего прилетел, да лети себе дальше. А то Ванька увидит, все перья по двору пустит.

Глафира не любила Ворона за развязный нрав, наглость, но приходилось терпеть, в свое время он оказал неоценимые услуги Елене.

– Да, кстати, девоньки мои, а где же Ванька с жеребчиком, что-то их в нашем славном городе давненько не видать. Аж со вчерашней ночи они где-то пропадают. Ты Елена ужпусти их с друзьями повидаться, а то, поди, соскучились.

Ворон сделал невинную мину, почесал клювом под крылом, и в то же время внимательно наблюдал за женщинами. Глафира не торопясь пила сок, а Елена продолжала вязать. Видя, что его намеки не поняты, он продолжил:

– Мне тут давеча рассказывали, что вчера-сь в Лесном уделе интересные вещи творились. – Он снова хитро скосил глаза на слушательниц, но те сделали вид, что не интересуются низкопробными слухами, которые разносил старый сплетник. – А, вы, наверное, не знаете, что есть у нас такая забегаловка, надо честно признаться, приотвратная. Даже не могу представить, что там интересного твой Ванька нашел.

– Не приглашают тебя, вот и шелкаешь клювом почем зря.

– Да если бы я захотел..., – обидчиво протянул Ворон. – Я предпочитаю более приличные заведения.

– Ты говори по существу, старая пьянь, а то вишь, моду нашел, всякую грязь по городу собирать, – прервала его Глафира. – Говори быстро чего надо, и убирайся, а то сама перышки на подушку пушу.

– Но, но, спокойно. Я по делу прилетел. Сама знаешь, что просто так я к вам, людям не являюсь.

– Знаю, старый болтун. Вот и говори по делу, а не клювом шелкай

Ворон задумчиво покрутил головой.

– Ладно, расскажу все как есть. Даже сам удивляюсь, и почему я сегодня такой добренький...

В этот момент он увидел угрожающее движение, которое нарочито заметно сделала Глафира, и торопливо продолжил:

– Так вот, вчера в этом самом Лесном уделе, когда Ванька с товарищами пьянствовал, неизвестно откуда пришел предсказитель. Кто он таков, и откуда взялся в наших краях, даже я не знаю. Но перед компанией он вчера целое представление выдал. Жаль, что мужички были малость пьяненькими, и, наверное, не все запомнили, но вещи он действительно интересные рассказывал.

– А ты сам слышал, – наконец-то разговором заинтересовалась Елена.

– Нет. Но мне рассказывали верные люди... тьфу, черт, птицы.

– Такие же, как ты, щелкуны пернатые? – Презрительно скривилась Глафира.

– Зря ты так, – решил обидеться Ворон. – Мы, вороны, птицы полезные...

Глафира резко оборвала его размышления, ей уже надоел этот бесполезный разговор.

– Когда вас мало, может польза и есть. Но что-то твоих родственничков развелось в последнее время уж слишком подозрительно много. Ладно, быстро договаривай и свободен, надоел уже.

Ворон очень внимательно посмотрел на старушку. Вздыхнул, словно бы отвечая каким-то своим, потаенным мыслям, и отрывисто проговорил:

– Значит так, премудрая красавица Елена. Много тебе открыто, многое ты знаешь. Иначе не стал бы я с тобой связываться. Но послушай моего доброго совета.

На этих словах Глафира снова презрительно хмыкнула, но Елена напротив, отложила вязание и приготовилась слушать. Что-то в тоне старой птицы ее насторожило.

– Я знаю точно лишь одно, что тебе придется собирать вещи Ивану. Дорога ему предстоит долгая и опасная. Откуда я знаю, сама догадаешься. Куда он пойдет, сейчас никому не ведомо. Кстати, он сам еще не догадывается о своей судьбе. Я так думаю, на днях узнает. Ты же сама знаешь, что Пророчества должны сбываться.

– Какие Пророчества. Я много о них слышала, но так толком ничего и не поняла.

– А этого никто не знает и не понимает. Точно известно лишь одно, Пророчества должны сбыться.

– А хоть какие пророчества-то, плохие или все-таки может быть хорошие.

Ворон снисходительно, словно бы удивляясь женской наивности, хмыкнул.

– Елена, девочка моя, ты когда-нибудь про хорошие пророчества слышала? Вот то-то же. Я тоже о таких не знаю. Если уж кто-то что-то пророчествует, то это обязательно какая-нибудь несусветная гадость. Почему-то вы люди, не любите предсказывать хорошее, постоянно ждете от своей судьбы подвохов и неприятностей. Поэтому-то они и сбываются. Проще надо жить, веселее. Не думать о плохом, и тогда все беды не будут притягиваться, словно мухи на грязный стол, а пойдут себе тихонечко стороной, ища какого-нибудь извращенца, любящего поиздеваться над собой. А Предсказания, о которых так любят здесь поговорить... ну, что же я могу сказать. Их толком никто не читал. Точно известно лишь одно, что будет очень плохо, причем всем. Кто-то болтал, что даже мертвецы из могил встанут, только не совсем ясно, зачем им это. Другие утверждают, что будет или очень жарко, или наоборот, очень холодно. Может даже солнце исчезнет. А один колдуниска клялся и божился, что все люди вымрут, и на земле останутся лишь пауки, тараканы и крысы. В общем, очень оптимистичное будущее вы, люди, себе представляете. И что интересно, эти разговоры появляются каждый раз, как что-нибудь идет не так. То дождей слишком много, то засуха неожиданно грянет, тут же возникает балабол, вопящий о конце света. А уж если лесная нечисть с пьяных глаз начинает в Лесу барагозить,

то тут уж точно светопреставление начинается. А на самом-то деле, все это было уже не раз, и даже не два и не десять. Поверь мне, я уж пожил на этом свете не один десяток лет.

– Значит, ничего страшного не предвидится. Тогда зачем пугаешь?

Ворон нехотя, словно бы об очень неприятной вещи, проговорил:

– Понимаешь, Елена, дело в том, что иногда предсказания все же сбываются. Ведь о них говорит и думает слишком много людишек. Вот неприятности и не задерживаются. А сейчас именно такое время наступило, все ждут чего-то плохого. Причем ждут весьма уверенно, и даже с каким-то наслаждением. Все-таки бы все больные. И чем дальше, тем больше народу начинает верить в грядущий катаклизм. И ведь ни одного, даже самого крохотного предзнаменования нет. К тому же наш Лес не допустит такого безобразия, в этом я тоже уверен.

– Но все равно на душе у меня как-то беспокойно.

– А это потому, что все ждут катастрофы. Поверь мне, эти ожидания, как и паника, вещи очень заразные.

– Объясни мне тогда, если ты такой умный и знающий, причем здесь Иван?

– А вот на этот вопрос, я не знаю ответа. Но, мне кажется, что именно эти два друга должны сыграть некую, но очень важную роль, в грядущих событиях. Может действительно надвигается что-то ужасное, ведь, как известно, дыма без огня не бывает, да и наговорено уж страстей столько, что они просто-напросто обязаны сбыться. А Иван с Коником, должны это дело как-то успокоить. Но это лишь лично мое мнение. Я бы очень попросил тебя, Елена, чтобы помалкивала о нашем разговоре. Ведь если Иван узнает о своем предназначении, то он может таких дров наломать, что грядущие катаклизмы покажутся детской шалостью. Ты его не хуже меня знаешь, а уж его дружок, Коник, так вообще, оторви да выбрось. Так что, пусть что будет, и не будем задумываться, о том, чего нет.

– Зря ты так, на Коника. Он просто веселый и немного шептун. тут ничего не попишешь, такой уж характер. А так, он очень добрый. Сердце у него большое, отзывчивое.

Ворон задумчиво покосился на Елену, таких добрых слов о Конике, он не ожил услышать. Потом, все же продолжил:

– И еще одно. Ты должна твердо помнить, у твоего мужа своя судьба, и негоже ее коверкать. Хочу тебя успокоить Елена, не переживай за них так сильно, эти два друга выкрутятся из любой ситуации, тут я за них полностью спокоен. Ведь я все равно их люблю, и очень волнуюсь за их судьбу и жизнь. – Неожиданно закончил Ворон.

В комнате повисла тишина. Даже котенок замер, напряженно прислушиваясь невесть к чему. Елена вглядывалась в круглые и блестящие глаза старого Ворона, пытаясь понять, что же он хотел сказать на самом деле. Глафира смотрела на яркие звезды и тихонько постукивала пальцами по столу. Неожиданно она спросила:

– Но, все же мне непонятно...

– Заболтался я тут с вами. Так что полетел я, а то дома уж детишки заждались, – прервал ее Ворон. – И так слишком много наговорил.

С этими словами он взмахнул широкими крыльями и, сильно оттолкнувшись лапами от подоконника, бесшумно исчез в теплой ночи. Женщины остались вдвоем, наедине с собственными мыслями и страхами.

* * *

В это время друзья торопливо шли по темной улице, и даже не подозревали, какие тучи сгущаются над их непутевыми головами. Но даже если бы они и знали, что сегодняшние вечерние посиделки за кружкой пива могут привести к непредсказуемым последствиям и опасному путешествию, то они все равно бы не согласились пропустить чудесный вечер, оставшись дома. Но сейчас Иван с Коником бодро подошли к двухэтажному деревянному дому под высокой крышей. Над низеньким крыльцом в четыре ступени, висела освещенная чадающим факелом

вывеска с нарисованным древним дубом и каким-то чудовищем под ним, сверху прихотливо шла вязь букв: «Лесной удел». Хозяин, правда, утверждал, что неведомый художник нарисовал не чудовище, а древнего рыцаря, мол, это ему бывший хозяин кабака рассказал. А в свою очередь, тому, заезжий художник объяснил, что обитали когда-то такие рыцари-сэры, ходили по лесам и воевали со всякой нечистью и несправедливостью, которой в те смутные времена было слишком много.

Если подняться по широким ступенькам и сильно толкнуть тяжелую дверь, срубленную из толстенных дубовых плах, то можно попасть в большую светлую комнату с небольшой стойкой слева и большим камином напротив двери. С другой стороны было прорублено два небольших окошка, света через них попадало мало, так как загораживали большущие кусты и высокий забор соседнего дома, поэтому здесь никогда не гасили светильников. В зале стоял постоянный, уютный полусумрак, привлекавший спокойных и солидных посетителей, не любивших шумных попоек, предпочитающих неторопливую дружескую беседу, пьяному угарному веселью. На стенах висело много картин с изображениями Леса и его обитателей. Лесных жителей в городе старались не рисовать, это считалось плохим вкусом. А их изображение, в это верили все, от мала до велика – обязательно принесет большие беды в дом. Но хозяин не верил местным обычаям, посмеиваясь над людскими суевериями.

Постоянные клиенты знали его любимую поговорку, что самый страшный враг человека, это сам человек. С ним спорили, но тот никак не желал менять свои взгляды на жизнь. В конце концов, с этим все смирились, и даже находили в этом своеобразную прелесть, разглядывая страшноватые картинки. Видел ли художник все эти ужасы воочию, или это был достойный плод его бесноватого воображения, осталось неизвестным. Во всяком случае, даже половины лесной нечисти Иван не видел, и даже не догадывался, что в Лесу могут встречаться такие чудища.

Как-то в кругу близких друзей, хозяин признался, что эти изображения приносят неплохой доход. С удовольствием разглядывая удивленные лица, он объяснил, что нарисованные жуткие страсти вызывают у клиента неодолимое желание напиться, так как лучшее лекарство против страха, это хорошая чарка вина. Все были вынуждены с ним согласиться, и даже похвалили за находчивость. Но все же предпочитали лишний раз не вглядываться в рисунки. Зато сюда любили заходить гости города. И, в конце концов, под утро, кабацкая явь и нарисованный реализм настолько смешивались с выпитым вином, что, даже приехав домой, они были уверены, что воочию видели все эти ужасы. Царь, и особенно местные купцы этим пользовались, добавляя своих кошмарных рассказов о своем житье бытие под сенью Безумного Леса. Наслушавшись таких повествований, потенциальные конкуренты и враги особенно сильно задумывались, а стоит ли самим ехать сюда.

Возле стойки, за которой всегда стоял сам хозяин, была небольшая дверь, она вела на второй этаж и кухню. Там жил сам хозяин и сдавалось несколько комнат, большей частью времени пустовавших. Иногда там ночевали засидевшиеся случайные гости или слишком пьяные друзья-знакомые. Приезжие и проезжие гости и купцы, предпочитали жить в центре города, там гостиницы были поприличней и поспокойней. Некоторые останавливались в корпоративных гостиницах. Каждый купец держал свой постоянный двор. Но в последние годы в город стало приезжать очень мало людей. Почему это происходило, старались не задумываться, своих печалей хватало, но все сходились во мнении, что Лес стал какой-то беспокойный. Внутри него, там, куда нет хода простому человеку, что-то стало изменяться. Неспешно, но очень целеустремленно. Многие, по необходимости бывавшие в Лесу, соглашались, что там становится с каждым днем все тревожнее. В городе даже стали появляться всякие нехорошие и нелепые слухи. Но пока они передавались шепотом, и даже не каждый вечер, то никто всерьез и не беспокоился. Чем это было вызвано, никто даже не догадывался. Мало ли, что в Лесу происходит, Лес он Лес и есть – сплошная загадка. Одним словом – Безумный Лес.

Подойдя к любимому кабаку, друзья не стали подниматься на крыльцо, а обогнули дом, толкнули низенькую неприметную дверцу и спустились на несколько ступенек. Эта комната была только для завсегдатаев, и то не для всех. Об ее существовании даже не все городские пьяницы и стражники знали. Здесь собиралась дружная компания, и здесь никто не смотрел на сословные различия. Все называли свое убежище от мирской суеты: «Под люстрой». Эта люстра висела в самом центре низенького потолка, и, когда ее задевали головой, то звенела хрустальными висюльками, тихо и печально. Если же их аккуратно отодвинуть рукой, пока хозяйина нет, то можно увидеть пять вкрученных стеклянных колб с тонкими ниточками внутри. Хозяин ревниво следил, чтобы какой-нибудь пьяный не вздумал трогать ее руками, каждый день он ее очищал от копоти светильников. Откуда взялась эта люстра, кто ее повесил, и как она дает свет и светит ли она вообще, среди завсегдатаев существовало несколько легенд. Их всегда рассказывали новичкам, правда, появлялись они все реже и реже. Эта была гордость и маленькая тайна дружной и тесной компании, собиравшейся под люстрой почти каждый вечер.

Иван и Коник спустились по ступенькам и удивленно остановились. Их не встретил привычный радостный шум голосов, вопли приветствий и вопросов типа того, как вчера добрался до дома, и что тебе за это было. Никто не посочувствовал друзьям, ведь то, что они сегодня впали в немилость к Елене и целый день занимались хозяйством, знали, поди, все. Никто не заорал: «О, Иван с Коником приперлись! Пива им, пива! Скорей хозяин, а то они от жажды умрут!». Нет. Сегодня было непривычно тихо. Такого здесь на памяти Ивана не было еще ни разу. Все сидели за столом, и о чем тихо и напряженно переговаривались. Кружки с пивом и вином стояли почти не тронутые. Хозяин заметил их и кивком головы пригласил присесть на почетные места, к камельку, в котором весело трещали поленья. Несмотря на весенний день, в полуподвале было все-таки сыровато. Коник, по привычке, решил нарушить покой собравшихся:

– Чего приуныли, друзья? Что это вы тут отмечаете, поминки или похороны?

– Ты того, помолчи. Тут такое случилось, а ты со своими шуточками.

– Да, что произошло? – Встревожено спросил Иван.

– Ты сегодня в Лесу был, возле Торговых ворот? – Тяжело взглянул кузнец.

– Нет, мы с Коником на поле через Дворцовые Бреши проезжали. А воду домой возили из колодца. – Откуда появились дома дрова, он решил дипломатично умолчать. История со стукачом не давала ему покоя весь день.

– Утром охранники видали несколько странных человечков.

– Ну и что. Мало ли в Лесу, какого народа обитает. Может дети лешаков погулять вышли.

– Не-е. У них волосы нормальные, черные, только вот длинные. Стражники сказывают, до самого пояса вьются. А росточка совсем невеликого, нам по пояс будут. И в лесу скрываться горазды. Еле-еле их следы потом нашли.

– Говорят, где-то далеко на Востоке такие половинчики живут. Но у нас таких не видали, – показал свою осведомленность Коник. Он уже успел опустить морду в широкую чашу с пивом, которую принес расторопный хозяин, и теперь облизывал пену с морды. Глаза у него опять начали жизнерадостно посверкивать.

– Про половинчиков я слышал, даже в детстве довелось видеть. Они нам табак возили торговать. Но у тех, настоящих, ноги лохматые. Шерсти, что на твоём диком кабане, а лица светлые.

– А у этих? – Встревожено спросил Иван. История ему начинала нравиться все меньше и меньше.

Какие-то смутные воспоминания, предчувствия зашевелились где-то глубоко внутри. Он внимательно посмотрел на кузнеца, не разыгрывает ли он его. Может, наслушавшись вчерашнего сказителя, они решили пошутить над ним. Но нет, не похоже. Кузнец вообще шутики плохо понимал, а тут еще вон какая неподдельная тревога стояла у него в глазах.

– А эти, тьфу, какая мерзость, – кузнец легонько пристукнул по толстой столешнице рукой.

Дубовый стол содрогнулся, а ведь на нем, чего только не делали. При случае на нем и танцевали и дрались, а он ничего, все выдержал, даже трещин не пустил. Лишь слегка подпрыгнули кружки и кувшины с вином и пивом, тарелки с нехитрой снедью. Потом взял кружку и одним махом выпил содержимое, вытер опаленные горнилом бороду и усы, аккуратно поставил ее на стол. Немного помолчал, продолжил:

– Представляешь Ваня, у этих морды черные, только глаза красные поблескивают. А ноги чистые.

– Как это, чистые? – Изумленно спросил Коник.

– А вот так, ни волосинки.

– Может, побрили, сам знаешь, как ветки за волосы цепляются. Полдня походишь по лесу, а потом весь вечер всякие веточки да иголочки из шкуры выковыриваешь. А лица черные, так возможно, загорели, солнце, вишь как припекает, прямо как летом...

Иван одернул своего гривастого друга:

– Подожди ты со своими шуточками. Мне вот интересно, как это наши стражнички все рассмотреть успели. Ведь от ворот до Леса километра два будет. Это кто ж там такой востроглазый?

– Они то может, и не разглядели, сам знаешь – врать да хвастать они горазды, да вино в «Одиссее» бесплатно хлестать. А вот как до дела доходит, тут они хуже лесных оборванцев. Те то хоть ножичками могут махать, а с охраны привратной взятки гладки, только и могут, что въездную плату вымогать, да еще кулаком мужику в ухо от души заехать, если что им не понравится.

Кузнец снова сделал глоток из своей полведерной кружки, обвел собравшихся тяжелым взглядом и продолжил:

– И не только они видели. Вчера вечером купцы приехали. Так это они и предупредили стражу, что возле города крутятся какие-то недомерки. Жаль, нашего купца, Афанасия, сейчас нет. Он бы подтвердил.

На этих словах все примолкли, видимо про это никто не знал. Тишина стояла такая, что стало слышно, как в верхнем зале кто-то фальшиво пел, да весело постреливали сухие сосновые поленья в камельке.

– Все, кончилась торговлишка, – тихо произнес невысокий коренастый мужчина, начальник царской гвардии. Почему-то все его называли Жуком. Он выпустил большой клуб ароматного дыма из короткой, хитро изогнутой трубки, покрутил длинный седой ус и повторил. – Отторговался наш славный город. Теперь купцов сюда и калачом не заманишь. А на стражников ты зря напраслину возводишь. За такую стружку, которую им платят, не каждый согласится ворота охранять. Вот они и пытаются хоть как-то на хлеб подзаработать.

Иван задумчиво вертел кружку в руках, из которой он сделал всего один глоток. Новости не давали полностью расслабиться. Пиво не шло в горло, мысли неслись вскачь, да и вчерашние возлияния давали о себе знать. Почему неожиданно он вспомнил историю, как в крепостной стене появились эти злополучные Бреши.

Когда-то давно, еще до рождения Ивана, с войной на город пришли соседи. Что уж там не поделили, о том уже никто не помнит. Так часто бывает, что причины войны забываются в первую очередь. Важно чем она заканчивается. Когда враги с ходу не смогли взять их город, то по всем правилам осадили его. Простояли все лето, осыпая друг друга грязными ругательствами, но так никто и не решился на решительные действия. А вот когда нападавшим надоело лаяться, тем более эту схватку они безнадежно проигрывали, то позвали на помощь одноглазого великана. Где они его нашли, так и осталось загадкой, хотя некоторые уверяли, что такие чудища живут далеко за теплым морем и зовут их циклопами. Когда такое одноглазое

страшилище внезапно вылезло из леса, то защитники поняли, что пробил их последний час. Циклоп без лишних рассуждений выломал часть стены и собрался было уже войти непрошеным гостем, как увидел вывеску ближайшего трактира. Там, на синем фоне, белыми заковырыстыми буквами было написано «Одиссей». Кто дал такое имя этой захолустной забегаловке, расположившейся возле самой стены, тоже никто не помнил. До этого, об «Одиссее», даже на прилегающих улицах мало кто знал. Там находили свой тайный приют самые уголовные и нищие горожане. И когда великан внезапно увидел вывеску, то грязно выругался, впрочем, его языка никто не знал, так что это уже были досужие вымыслы очевидцев. Потом тоскливо взвыл и топча своих союзников позорно умчался в лес. Защитников очень удивило, что при этом, он закрывал свой единственный глаз рукой.

Потом все-таки пришла подмога, ворога отогнали от родных стен. А вот пролом в стене заделывать стало как-то неохота, праздники по случаю нежданной победы затянулись надолго. И тогда, чья-то мудрая голова, немного протрезвев, предложила, не заделывать громадную дыру в стене, а просто приладить в ней ворота. А уж остряки дали новым воротам название «Дворцовые Бреши». Почему именно дворцовые, всем было непонятно, так как царский дворец располагался далеко от этого места. Может быть из-за спасительного кабачка, который, ну совсем уж на дворец не был похож. Но как бы там ни было, название всех сначала рассмешило, а потом понравилось и моментально прижилось.

Пока Иван предавался непрошеным воспоминаниям, беседа за столом текла своим чередом.

– Ну, уж, Жук, ты хватил. Сам знаешь, торговый люд завсегда храбрее солдата.

– Храбрее, – охотно согласился Жук, – когда это им барыши приносит. А в нашем царстве, где один город и несколько поселков, чем торговать? Сам знаешь, только тем, что Лес-батюшка подарит. А тут еще эта непонятная нечисть объявилась. Надо будет завтра поднимать гвардию. Прочешем ближайшие кусты, а то местная нечисть давно распоясалась.

Тут с дальнего конца стола возвысился голос худого и высокого мужчины, дворцового повара, а по совместительству собирателя слухов. Никто даже представить не может, сколько полезного может услышать повар, который, вроде бы постоянно находится на кухне. Но именно в поварской находился основной центр сбора слухов и сплетен. Впрочем, Иван тихо подозревал, что главные сплетни именно там и рождаются, где-то между кипящими кастрюлями и шипящими сковородами. Но своими наблюдениями ни с кем не делился.

– В Пророчествах и Предсказаниях сказано, что...

– А ты сам их читал, – перебило его сразу несколько голосов. – Давай вон у Ивана спросим. Он побольше твоего грамоту изучал, да и побродил по Лесу, незнамо сколько. А ну, Иван, поведай нам, что это в нашем славном Лесу за новая напасть объявилась.

– Не знаю, братцы. Пока ничего не знаю. Вот завтра, прямо с утра, в царское хранилище схожу, может, что и вызнаю. А, кстати, Царю и Красноносу доложили?

– Знают они, сразу же их известили. Но они, вестимо, и слышать ничего не хотят. Краснонос как всегда про бабьи сказки и пьяный бред говорит. Сам его знаешь, а Царю, что, лишь бы его не пугали, да налоги исправно платили.

Общество еще долго обсуждало последние новости, но товарищи так и ничего путного придумать и не смогли. Порешили на том, что завтра вечером, Иван расскажет о своих поисках в древних книгах. И уж тогда надо будет принимать решения.

Жизнь города и ближайших деревенок, все это небольшое пространство в глубине бескрайнего леса называлось Лесным Царством, уже много поколений протекала спокойно. Стычки с лесными обитателями давно вошли в привычку; торговля шла не шатко не валко, до ближайших крупных городов было далеко. Сам Лес охранял рубежи царства лучше любого наемного войска, а уж слухи о нем отпугивали любого военачальника. Из глубин лесной чащи было удобно грозить всем далеким и близким соседям, во дворце это называлось «междуна-

родной политикой». Как это называли в Лесном уделе лучше не говорить. Даже сами мужики иногда краснели, и испуганно озирались, нет ли поблизости детей или женщин, когда кто-нибудь в запале спора говорил эти срамные слова. «Маразм» – это был самый мягкий эпитет, которым награждали местную власть. Вообще-то, это древнее слово, все любили повторять, вставляя его к месту и не к месту.

Перечитав много старых летописей и после этого долго шевеля мозгами, во-время очередного жаркого спора, с не менее горячим пуншем, это слово когда-то вспомнил Мягкий Человек, по прозвищу Страшила Мудрый. После этого он еще много чего говорил, но собравшиеся почти ничего не поняли. Мудрый когда-то был Главным Советником Царя, но после интриг хитрых придворных был смещен до Аграрного Советника. А после его обличительных выступлений против Царя на площади перед дворцом был совсем отставлен и позже сослан в дальнюю деревню. Ему еще повезло, интриганы предлагали выдернуть все иголки из его головы, чтобы думал поменьше, но царь смиростивился. Рядом с деревней, Мудрый, построил себе неплохую келью, где тихонько жил и много размышлял о несправедливом устройстве жизни в государстве. Впрочем, иногда приходил навестить старых друзей, делая это тайком. Но об его посещениях знали все, так как обычно это заканчивалось стихийным митингом, порой переходящим в драку между пьяными мужиками. А когда стража все-таки вмешивалась, пытаюсь разрядить обстановку, то народ неожиданно объединялся и смело вступал с ними в схватку. Обычно беспорядки заканчивались под утро, когда женам надоедало это безобразие.

Они смело входили в гущу боя, и громко ругаясь, тащили своих разбушевавшихся не на шутку мужей, домой. Главы семейств сначала отчаянно сопротивлялись, а потом покорно брели домой, за очередной порцией неприятностей. А Страшила Мудрый снова надолго замыкался в своей келье, продолжая с грустью размышлять о несовершенстве мира, и ища пути выхода из него. Говорят, он даже начал писать труд «Как обустроить свое царство», но пока его никто не видел. А Коник даже предположил, что Страшила Мудрый таким образом себе цену набивает.

Когда компания, собравшаяся в Лесном уделе, все обсудила, то мало помалу успокоилась. Разговоры вернулись в привычное русло: кто, как и когда вернулся домой, да, что потом делал, как день провел. Посмеялись над Иваном с Коником. Оказывается, вчера, уже под утро, когда самые стойкие пытались разойтись по домам, друзья вместо дома попали в Лукавый Тупичок. В конце этой небольшой улочки, действительно тупика, стояло большое каменное здание. С широким крыльцом, толстыми колоннами, вечерами, ярко освещенное. Здесь, с недавних пор располагался театр «У Буратино». А весь город знал, какая пылкая любовь была у Ивана с панкующей Мальвиной, постоянной, немеркнувшей звездой местного театра. У Мальвины был вздорный характер. Она предпочитала дружить со зверями, чем с людьми, и по этому поводу в театральных кругах ходило множество кривотолков. Раз в неделю она перекрашивала волосы: то в синий, то в красный, то в зеленый цвета. На это уже мало кто обращал внимания. Но актрисой она была действительно превосходной, и зрители с удовольствием смотрели ее выступления.

Но когда сгорело старое деревянное здание театра, и Долгоносик, руководитель этого культурного заведения пригрозил Ивану, что если увидит его ближе чем за километр, то подвесит его на крюк, как самую последнюю куклу. Почему приключился пожар, толком никто не знал. Поговаривали, что Иван с Долгоносиком устроили в честь начала новой постановки свое представление, с участием всей труппы актеров и небольшого числа приглашенных, особо приближенных к театру, друзей. Что Иван в пылу любовной борьбы с Мальвиной опрокинул свечу на пол и ковер вспыхнул как летняя трава в засуху. Другие глупо улыбались и доказывали, что вспыхнул огонь от жара его сердца и искр, которые сыпались из глаз Ивана, когда видел Мальвину. Иван же, когда немного улеглись страсти, признался в компании друзей, что театр поджег сам Долгоносик, мол, где-то в театре был очаг, то ли нарисованный на холсте, то

ли настоящий, никто толком об этом не знал, а за ним хранилась какая-то тайна, вот он туда и сунул свой длинный нос. Про этот очаг сам Долгоносик как-то раз, по пьяни, ему проболтался. Что же там на самом деле произошло, он не знал, но только Долгоносик ходил несколько дней какой-то ошалелый, сам не свой. Оклемаля только когда получил страховку за здание. И сразу же стал строить новый, каменный театр.

Как-то, за кружечкой пива, Иван задумчиво сказал своим друзьям: «но за одну страховку такой домище не построишь. А обстановочка внутри, сами видели, как в царских покоях. Да еще «печь» шестисотую купил, побеленную. А за что он на меня взелся, честное слово, даже и не догадываюсь».

Друзья тогда обсудили внезапное обогащение вечно нищего Долгоносика, да и забыли. Мало ли откуда у человека лишняя «стружка» появилась. Радоваться за него надо, а не завидовать. Но про тайну очага Иван нет, нет, да и вспоминал, что-то здесь ему не нравилось. Он хотел обсудить свои мысли и догадки с Жуком, но в тот раз начальник стражи его резко оборвал, сказав, что нечего не свое дело лезть. И строго настрого наказал со своими дурацкими вопросами больше ни к кому не приставать:

– Нет у Долгоносика никакой тайны. Была картинка, там какой-то очаг был нарисован, так, мазня несуразная, сам видел. Сгорела она при пожаре, – при этом он почему-то побледнел и настороженно оглянулся. Иван тогда еще сильно удивился, чего такого испугался Жук, всем известный своей безрассудной храбростью. Удивился, но и понял, что действительно надо придержать язык за зубами. Видно на самом деле тут дело нечисто.

Иван внял предостережениям Долгоносика, и перестал появляться в театре. Во всяком случае, его видели только на представлениях и только вместе с женой. Правда, они потом они снова помирились, и Иван еще не раз устраивал там веселые ночные представления. Даже в первый год семейной жизни он частенько туда захаживал, пока после одной не очень удачной шутки, Мальвина, тогда она как раз покрасилась в красный цвет, не капнула о его похождениях жене. Дома Елена устроила ему такой концерт, что потом об этом долго говорил весь город.

К Мальвине Иван с тех пор не ходил. Вернее изредка, после представлений захаживал, но так, чтоб никто не видел. Елена знала о его похождениях, но ничего не говорила. И вот надо же, как на грех, видно действительно хозяин чего-то добавил в пиво, потянуло к старой возлюбленной.

– Интересно, – громко икнув, протянул Коник, – а что же нам Елена ничего сегодня утром не сказала.

– Еще скажет, не волнуйся. Помнишь, как ты в гвардейской конюшне скрывался, когда Ванька нехорошую болезнь от Мальвины подцепил? Так, что твое стойло еще никем не занято, – мрачновато пошутил Жук.

Коник поспешно опустил морду в чашу с пивом, Иван тоже сделал большой глоток из кружки, и постарался перевести разговор в какое-нибудь, более приятное русло. Они очень не любили вспоминать первый год семейной жизни. Тогда весь их привычный жизненный уклад был круто изменен решительной рукой Елены. Жук понял, что шутка вышла очень неудачной, и замолчал, прихлебывая из своей кружки, пуская синеватые клубы дыма. Он о чем-то сильно задумался и не слышал дружеский треп собравшихся.

В общем, вечер шел как обычно. Вдруг Жук, мрачно молчавший почти весь вечер, тихо спросил, ни к кому особенно не обращаясь:

– А кто же вчера того сказителя приволок, хотелось бы мне очень узнать.

– Как кто, он сам пришел. Вот так, шел, шел, да и пришел. На огонек, значит, забрел. А здесь мы сидим. Вот ему и радость, а нам развлечение, – пьяно икнув, пошутил Коник.

– Вот так, шел, шел, да и пришел, – зловеще усмехнулся, передразнивая Коника, сказал Жук. – Открыл первую попавшуюся дверь, а за ней мы сидим.

В комнате повисла тишина, второй раз за вечер, такого здесь отродясь не бывало, все вдруг озадачились, действительно, а кто же вчера его привел. Об их тайной норе знало всего несколько человек, по пальцам двух рук пересчитать можно. Но вчера, как назло никого из посторонних не было. А из них никто не мог привести случайного, непроверенного человека.

Все сразу стали вспоминать вчерашнего сказителя. Он был высоким худым мужчиной, неопределенного возраста. Длинные седые волосы были перехвачены черной лентой. Из-под густых седых бровей внимательно смотрели черные, глубоко посаженные глаза. Когда он пел, то прикрывал веки, и поэтому его лицо приобретало возвышенно-отрешенное выражение.

В наступившей, в который раз за вечер, тишине, казалось, послышался его голос – глубокий, напевный бас. Собравшиеся как-то дружно посмотрели на лавку у стены, на которой тот просидел весь вечер. Наступила тяжелая, гнетущая тишина. Даже наверху уже никто не пел и огонь в камельке притих.

– Вы кого опять увидели, – раздался спокойный голос. – Опять скажете, что я вам чего-то в вино подсыпал.

В комнату вошел хозяин кабачка и насмешливо посмотрел на гостей. Все нервно выдохнули и неуверенно заговорили-зашумели – неприятное видение исчезло. Компания дружно потянулась к забытым кружкам, даже Жук выпустил впечатляющий клуб дыма и заметил:

– Ты, как всегда вовремя.

– Так, что случилось. Чего-то вы все такие хмурные, весь вечер. Я там наверху сижу, а вас не слышно. Я уж думал, вы все разошлись по домам.

– Да вот пытаемся вспомнить, откуда приперся вчерашний певун.

– Как откуда, – удивился хозяин. – Вы сами же сами вчера мне все уши прожужжали, что не худо бы было послушать чего-нибудь новенького. А то, мол, живем в глуши, от жизни отстали. А у меня как раз остановился странствующий проповедник Бормотухового учения. Вот я вам его вниз и спустил.

Все смущенно переглянулись, а Коник потряс гривой и громко заявил, подтвердив мнение собравшихся:

– Ничего не помню. Признавайся хозяин, опять вчера что-то подсыпал.

– Да вы так пьете, что вам хоть чего сыпь, все едино выпьете, и еще мало будет. Вы ж как бочки ненасытные и дырявые, – возмущенно заявил хозяин.

– Да ты уважаемый не обижайся, – проговорил Жук, – мы пытались вспомнить, кто его вчера к нам привел. А, кстати, где он сейчас?

– Да кто их знает этих артистов, рано утречком встал и ушел себе. Ему то что, свободный человек.

Неприкрытая зависть зазвучала в его голосе.

Иван вскользь заметил:

– Ты бы Жук, у своих охранников узнал бы, откуда это сказитель пришел, и когда ушел.

Неугомонный Коник тут же встрял:

– Во-во, а то шляются всякие разные по нашему Лесу, а потом хомуты пропадают. Ты уж Жук, там хорошенько всех расспроси, да накажи, кто его пропустил в наш славный город.

– А за что наказывать-то? Документы у него видимо были в порядке, иначе я бы сразу узнал, что какой-то беспаспортный тут заявился. У меня хоть охрана и ленивая, но все же свою службу туго знает.

– А, может, он твоим ребятам взятку дал? Откуда ты знаешь, что у тебя все такие честные.

– Ладно, все узнаю.

С этими словами Жук встал из-за стола и пошел к двери. Уже взявшись за ручку, он неожиданно обернулся, внимательно обвел всех взглядом и угрюмо сказал:

– Завтра собираемся здесь же. Надеюсь за ночь ничего не случится.

Вскоре, вся компания разошлась по домам. Настроение у всех было тревожное. Каждый предчувствовал наступление каких-то перемен. И почему-то росла уверенность, что они будут не в лучшую сторону.

Иван задумчиво шел к дому, даже его верный товарищ помалкивал, погруженный в свои размышления. Из-за этого они чуть не прошли мимо заветной калиточки. Тут Иван очнулся, встрепенулся, негромко пожелал Конику спокойной ночи и зашел в дом. Он знал, что таиться бесполезно, Елена все равно знает, когда он вернулся. Прилег в горнице на широкую лавку и уставился в потолок. Он не знал, что делать дальше. Какие-то смутные мысли тревожили его, видения мелькали перед ним. Но успокоительный сон разом выгнал все ненужное, и Иван заснул.

Рано утром он уже был во дворце. Там стоял шум. Между собой скандалили Главный Дровишный и Великий Хранитель Ключей, а в просторечии Ключник. С некоторой опаской он прислушался к их лаю. И тут же с тревогой понял, что речь идет о царских запасах дров. Ответчик за дрова обвинял хранителя ключей, что тот разбазаривал царское добро, втихаря продавая дрова. А ведь они находятся на его подотчете. И даже более того, самой бородой перед самим царем-батюшкой. Борода у него действительно была уникальной, черная как вороново крыло, густая и длинная по поясу. Многие мужики отчаянно завидовали ему, и даже пытались подпоить его, чтобы лишиться такого мужского украшения. Но Дровишный был всегда начеку, и, выпив все, что наливали доброхоты, тихо мирно отчаливал домой, посмеиваясь над ними. Но те все же не теряли надежды, поэтому ему всегда приходилось быть начеку.

Ключник в свою очередь орал, что он отвечает только за ключи. И почему у того пропадают дрова, он не знает, и знать не хочет. А вот царю он все доложит как есть. Дровишный сам должен смотреть за своим хозяйством, а не трясти тут своей бороденкой. Это он сказал абсолютно зря, и поняв свою ошибку попытался как-то перевести разговор в другое русло. Ему повезло, он увидел Ивана.

– Добрый день, Иван. По какой надобности к нам пожаловал? Или так просто, поведать своих старых друзей.

Иван про себя перекрестился, подумав: «лучше с лесной нечистью гавкаться, чем с такими друзьями пиво пить». Но ничего, конечно, не сказал. Улыбнувшись как можно радушно, он попросил отвлечься его от важной беседы, чему тот был несказанно рад. Дровишный негодуяше тряс бородицей, сжимал кулаки, но ничего поделать не мог. Хотя Иван и не служил при дворе, но весьма часто выполнял для царя различные поручения. Как его называли придворные недоброжелатели: «конфиденциальный порученец».

– Тут такое дело, мне надо попасть в хранилище. Ну, это туда где всякий мусор свален.

– Зачем тебе это, – несказанно удивился хранитель ключей. – Пойдем лучше в винный погребок. Я тебе открою по старой дружбе. Посидим тихонько, за жизнь поболтаем. А там же одна рухлядь, да пыль. Все никак руки не доходят выгрести весь этот мусор. Да и царь сильно возражает, говорит, что там какая-то мудрость храниться.

– Ничего важного. Так, просто захотелось кое-что посмотреть. Может, Елене что-нибудь на подарок высмотрю. Она у меня любит всякие разные интересные штуки.

– Понимаю. Надо будет учесть на будущее. – Ключник, ухватив Ивана за локоть, незаметно, но целеустремленно удалялся по коридорам от Дровишного. Но он рано радовался, тот крался сзади, дожидаясь, когда Иван уйдет, и бросал на Ивана такие свирепые взгляды, что тот и рад бы поскорее получить заветный ключик, но Хранитель не отпускал его, развлекая разговорами.

Зайдя в какую-то комнатенку, Ключник откинул полу своего кафтана. Под ним, на широком кожаном, вытертом до блеска ремне висело множество ключей, самых разных форм и размеров. Некоторые достигали в длину нескольких ладоней взрослого мужчины, другие были не больше ногтя младенца. Шутники утверждали, что с этим ремнем он не растает даже во

время выполнения супружеского долга. И именно за это его жена ходит все время недовольной, и какой-то скособоченной. Но Иван не верил этим слухам, он точно знал, что жена Ключника, когда была девкой на выданье, неудачно упала с лестницы и что-то сломала. С тех пор она и хромает. А характер у нее и в детстве был очень скверным, потому-то женихов и не было. Хотя папаша обещал хорошее приданое.

Ключарь вздохнул, словно бы размышляя о чем-то неприятном, но все-таки достал огромную связку, висевшую отдельно и нашел нужный ключ. Он был с очень хитрой бородкой, потемневший от времени и тяжелый. Иван вспомнил, как Хранитель жаловался, что нынешние замки можно простой провололочкой открыть, а вот старые, до сих пор верно служат.

– Верись мне, Иван, – он показал какой-то очень старый ключ, – если он сломается, или не дай Лес – потеряется, то замок открыть будет уже невозможно, проще сломать. И то, только с большим трудом. Сейчас даже такого железа нет. Вот же были мастера, а теперь что, только одно пьяное безобразие. А сколько гонору, ты не поверишь.

Он торжественно вручил ключ Ивану:

– Вечером отдашь. И кстати, если, что интересенькое найдешь, то может, и про меня не забудешь. Тоже надо бы чем-нибудь женушку удивить. А то совсем запилила, ничего ее уже не радует. Ну, в общем, сам посмотри, я твоему вкусу полностью доверяю.

– А ты сам зайди и выбери.

– Нельзя. Я же поставлен охранять, а не разбазаривать, как этот бородатенький. – Он осторожно выглянул в коридор и с облегчением потрусил вдоль стены, постоянно озираясь.

Иван взвесил на руке знакомый ключ, в очередной раз подивившись его необыкновенной легкости, несмотря на тяжеловесный вид и пошел своей дорогой. Уже выходя во двор, он вдруг услышал яростный вопль Дровишного, тому не терпелось довести свою беседу до конца.

Иван даже подумал:

– Ну, все, вот и еще одна вакансия освободилась. А вот с дровами надо будет поосторожнее. Все-таки я не один туда захаживаю, вишь как разобрало бородатого. А вот крайним быть в этом деле до обидного не хочется.

Иван спустился в подвал и открыл дверь. Она тихонь

ко скрипнула, впуская его внутрь. Он зажег фонарь и огляделся. Со времени его последнего посещения, здесь практически ничего не изменилось. Только добавилось паутины и пыли. Последний хранитель умер много лет назад, а замену так и не удалось найти. Никто не хотел идти сюда служить. Даже Иван не согласился, хотя и любил почитать древние фолианты. Правда, многие слова были незнакомыми, попадались и такие книги, где вообще не было не одной знакомой буквы. Но все равно было интересно.

Неожиданно Иван сообразил, в хранилище все же что-то изменилось. Нечто еле уловимое витало в воздухе. Иван принялся, может, какой-нибудь любопытный заходил сюда, испортил воздух факелом. Нет, гари не ощущалось, воздух был привычно затхлым и пыльным. Он осторожно прошелся по комнатам. Нет, все было привычным. Все также в навал на полу валялись книги, какие-то дощечки, свернутые в трубочку пергаменты. Вдоль стен громоздились сундуки. На полках стояли книги. Иван подошел к огромному столу, зажег свечи. Их неподвижное пламя осветило заляпанную воском столешницу, и все ту же вездесущую пыль. Он нашел тряпку и аккуратно вытер стол. Снова оглядел хранилище, раздумывая, с чего бы начать. В последний раз, когда он читал предсказания Бормотуха, то этот тяжеленный фолиант поставил на ближайшую полку. Сейчас его не было. Книги по-прежнему плотно стояли в ряд, но Предсказаний не было. Иван озадаченно почесал затылок. Разбуженный Внутренний голос недовольно пробормотал:

– Что-то здесь не то, Ванюша.

Он и сам начинал видеть, что в хранилище кто-то побывал. Причем давно. И постарался сделать так, чтобы его пребывание здесь, осталось незамеченным. В глаза сразу же стали бро-

саться мелочи, которые в первый момент он не заметил. Тут Иван вспомнил, что хранитель архивов как-то вскользь заметил, что Предсказаний было несколько книг. Ту, которую пытался осилить Иван, он назвал «самым полным и расширенным изданием». Что такое «издание» Иван не знал, но догадался, что эта книжка самая верная, и потому проникся чувством глубокой благодарности к старенькому хранителю.

Иван так ярко вспомнил этот давнишний разговор, что даже невольно оглянулся, ища глазами дедка, всегда приветливо встречающего очень редких посетителей. Даже послышался его дребезжащий от старости голос и ярко-синие, совсем молодые глаза, лукаво смотрящие из-под морщинистых век.

Иван отогнал непрощенные воспоминания. И попытался сообразить, где еще могли лежать Предсказания. До самого вечера он исследовал полки, сундуки, вскрывал какие-то ящики, перебирал сваленные в углу пергаменты и глиняные таблички. Но ничего так и не нашел. Эти книги просто-напросто исчезли. В этом он был абсолютно уверен. Потом сообразил, что не хватает еще нескольких книг, где тоже комментировались пророчества Бормотуха.

С тяжелым сердцем он закрыл хранилище и отправился искать Ключника. Побродив по дворцу, он понял, что Ключник где-то прячется. Но во дворце тайн не может быть в принципе. И если надо кого-то срочно найти, то есть единственный выход, спросить слуг. Эта человеческая порода знает все. Какой-то служка, хитро ухмыльнувшись, посоветовал Ивану заглянуть на кухню. Побродив среди кипящих кастрюль и шипящих сковородок, исследовав все помещения едоварни, Иван случайно заглянул в холодную комнату. Там, среди льда и мороженных мясных туш, он увидел, сидящего на чем-то мягко набитом мешке, Ключника. Тот грустно прикладывал к глазу кусок льда. Капли воды стекали ему в рукав, он брезгливо сморщился и взял новый кусочек.

Иван сочувственно подумал: «Похоже, вакансия пока не освободилась, но искать временную замену надо. Эх, его Дровишный уделал. Крепкий мужик, правду говорят про него».

Увидев Ивана, он страдальчески улыбнулся и спросил:

– Что так быстро? Мог бы и завтра ключ занести.

– Все что надо, я уже увидел. – Потом добавил. – Слушай, а ты в хранилище, когда в последний раз был?

– Иван, я разве похож на больного? – Мучительно улыбнувшись, вопросом на вопрос, ответил Ключник.

– Ну, вообще-то... – Иван широко улыбнулся, глядя на громадный синяк.

– Выщипаю я ему бородавку, чтоб мне в Лесу с кикиморами всю жизнь жить! А в хранилище, нет, давно не ходил. Там хоть все нормально? Мыши не все еще слопали?

– Кстати, мышей я там почему-то никогда не видел. Странно.

– А это был подарок одного колдуна. Он их очень не любил, вот и наложил заклятие на подвал, когда там чего-то искал.

– А когда это было, – вдруг заинтересовался Иван.

– Даже и не упомяну сейчас. Я еще тогда совсем молодой был. Только-только начинал службу при дворе.

– А в последнее время никто туда не заходил? Может, кто-то просил у тебя ключ?

– Нет. А что это ты вдруг так заинтересовался? Там точно все в порядке?

Ключник приложил очередную порцию льда к глазу, и пытливо взглянул на Ивана.

– Не переживай, там все как всегда. Что там может измениться.

– Ваня, ты не поверишь, но последним, кто просил у меня ключ, это был именно ты. И это было несколько зим назад. С тех пор этой свалкой никто не интересовался. Хотя... подожди.

Он задумался. Иван боялся лишним словом спугнуть память Ключника, поэтому в леднике повисла напряженная тишина. И тот не подвел ожидания Ивана:

– Этой зимой кто-то спрашивал о нашем хранилище. Это было без меня, я в те дни болел. Так что ключей я никому не давал. А попасть туда не так просто, как тебе это кажется. Там наложено защитное заклятие: «Свой-чужой». Так что без этого ключика никто войти не сможет. А если попытается, то беды не оберется. Тот маг говорил, что дерзнувшему покуситься на эти духовные исторические богатства, да Иван, он именно так и выразился, как сейчас помню... так о чем это я. Ах да, о заклинании. Так вот, он гарантировал, что у ослушника будут в жизни огромные неприятности. Но это если он все же туда пролезет, а так это заклятие чем-то его сильно ударит, может даже огнем испепелить. Чтоб неповадно другим было.

– А кто интересовался-то? ты же откуда-то об этом узнал. – Продолжал допытываться Иван. Почему-то неведомый искатель книжной премудрости его очень заинтересовал. Он еще не мог понять, чем и почему, но уже почувствовал, что это произошло совсем неспроста.

Ключник недовольно ответил, разглядывая свой глаз в маленькое зеркальце:

– Говорю же, не знаю. Что это тебя так заинтересовало? Там все-таки что-то пропало? – Прозорливо догадался Ключник, отрываясь от созерцания своего свежего фонаря.

– Пропало. Исчезли все книги, где были предсказания Бормотуха.

– Вот это да! А может Ваня, ты плохо искал? – С надеждой спросил Ключник.

Взглянув на мрачное лицо Ивана, тот понял, что это суровая правда.

– Знаешь, что, я разузнаю, кто это так сильно интересовался нашим хранилищем, и завтра скажу. А ты пока помалкивай. Все-таки я за его сохранность отвечаю. Там хоть и хлам всякий собран, но все равно жалко. Люди старались, собирали. Да и если царь узнает, он мне все ключи знаешь, куда запишет? Значит, говоришь, пропали все Пророчества. Плохо дело. И так как-то тревожно на душе, а тут еще и это дело. Как же все это не во-время. И главное, не выйдешь никуда. – Он с грустью показал на свой, уже заплывший глаз, сверкавший всеми оттенками радуги.

Вечером, в Лесном уделе, Иван вкратце рассказал о своих поисках. Компания озадачено молчала. Никто даже не мог предположить, что книгами из хранилища может кто-то заинтересоваться. Чтение здесь считалось чем-то совсем необязательным, хотя грамотных было много. У многих дома даже были книги, но брали их в руки только от великой скуки. А уж чтобы куда-то идти, тем более riskовать жизнью, не могло идти и речи.

Афанасий, купец хоть и не самый богатый в лесном царстве, но очень влиятельный неожиданно заметил:

– Действительно, был зимой у нас человек. И причем весьма странный. Но не купец, мы свою братию издалека видим, кошельком чувствуем. Я его как-то раз видел, он возле дворца опивался. Одетый весь в черное, на плаще какие-то знаки серебром вытканы. Сам высок ростом, очень худощав. Еще тогда подумал, каким ветром его к нам занесло, не иначе как шпион или ищущий приключений волшебник. На посла он был похож как Коник на беременную русалку. Тем более он у нас не отмечался. Он немного пожил в городе и уехал. Мы то что, мы же купцы, только торговлю и знаем, в государственные дела не вмешиваемся. Если только не призовут, когда какая напасть приключится. Так что завтра все разузнаю, что за гусь к нам залетал, и скажу.

Афанасий немного лукавил, все знали, что даже послы иноземных государств, не говоря уж о более мелкой сошке типа купцов и простых гостей обязательно должны были зайти к нему. Как это называлось «откушать чаю». Жук с Афанасием давно уже сами стояли на охране порядка в царстве, не доверяя этого сложного и ответственного дела государевым чиновникам, и надо отметить не без оснований.

Жук согласно кивнул головой:

– Правильно. Твои люди быстрее узнают, что за хлыщ к нам приезжал. А то мои..., – тут он замялся и закашлялся, пытаясь подобрать не очень ругательное слово, но в то же время

соответствующее государевым людям. Не нашел. Потом взглянул на Ивана и спросил. – Так ты думаешь, что это он мог украсть Пророчества.

– Даже не знаю. Но если он колдун, то вполне мог постараться. Ведь там, Ключник мне сегодня рассказывал, какое-то охранное заклятие на двери положено.

Афанасий коротко рассмеялся:

– Сразу видно, что тот, кто это делал, в людских делах ни чего не петрит. – Видя недоуменные взгляды, он весело пояснил. – Ну, положил он заклятие на двери. Так ведь же остаются еще окна. А для некоторых умельцев стены, пол и даже потолок это не проблема. Было бы желание туда просочиться, а там уж никакие запоры не спасут. К тому же, если очень постараться, можно ключик-то и самому взять. Есть такие искусники... Так что Жук, надо бы это хранилище получше проверить. Может, и найдутся следы. Тогда можно будет покумекать, кто это туда так ловко проник.

– Сделаю. Не проблема. Давно надо было проверить весь дворец. Так что заодно и туда загляну. А то воровать стали уж слишком в наглую. Вот, например, дрова как будто тают в воздухе. Не успевают из Леса возить.

При этих словах Иван весь напрягся. Но когда обвел взглядом присутствующих, то, к своему немалому удивлению понял, что не он один стал старательно отводить глаза.

Беседа вяло перетекала с одной темы на другую. Обсудили слишком раннюю и теплую весну. Виды на урожай. Поговорили о предстоящей охоте на лесного зверя. Сразу же вспомнили кучу охотничьих баек, посмеялись. Обсудили драку Дровишного с Ключником.

Заглянувший хозяин обвел всех вопросительным взглядом:

– Тут ко мне гость пришел. Спрашивает, можно ли к вашей компании присоединиться.

– Конечно, можно, – ответил за всех Жук. – Все равно скучно, так может он что-нибудь интересное расскажет. И еще пива принеси. А кстати, а кто таков будет, этот гость? Мы его знаем?

– Знаете. И даже очень хорошо знаете, так что не переживайте. – Загадочно ответил кабатчик и скрылся за дверями.

Не успели друзья выпить по глотку пива, как дверь вновь скрипнула, впуская очередного гостя. Все с любопытством уставились на него.

В следующий миг, здоровое любопытство сменилось нездоровым шоком.

– Все в порядке. Можете не вставать. – Весело ухмыльнувшись, сказал гость. – Можно мне тут присесть. А то что-то с непривычки ноги гудят. Пока нашел вас, кучу кабаков пришлось обойти. Даже не знал, что у меня в городе столько питейных заведений. Может, надо половину прикрыть, а то некоторые сплошной срам, пьянка и разврат. Ты, Афанасий, навел бы в этом деле порядок, а то перед гостями неудобно.

Вскочившие было завсегдаи Лесного удела, снова уселись на лавки, потеснившись, уступая место вновь прибывшему. Все они отлично знали этого человека. И не только по имени, но и в лицо, все-таки это был их царь.

Мгновенное замешательство улетучилось. Царь у них был личностью популярной. С ним было легко встретиться, чтобы обсудить свои насущные проблемы. Но вот чтобы он сам к кому-то пришел... такое было впервые. Значит, ему очень надо было с ними встретиться. Это понимали все, собравшиеся в этот вечер под люстрой в Лесном уделе.

– Ну, что приумолкли, заговорщики? Думаете, я не знаю о ваших делах? И кто в городе реальный хозяин? Сильно ошибаетесь. – Царь помолчал, оглядывая присутствующих. – Но, пришел я не за выяснением отношений. Тут вы молодцы. Признаюсь, что без вашей неофициальной помощи мне было бы трудно справляться. Отрицать не буду. С моими боярами только пиво хорошо пить, да ругаться на них, хотя тем все едино, как с водяного вода. Даже обидно иногда становиться, слова новые придумываешь, а тем хоть бы хны. Вот тут и задумаешься, а

за каким лешим все эти дармоеды мне нужны. Может их повесить, и вся недолга. И народец будет очень доволен, и казне прибыль. Как думаете, стоящее дело?

Все молча ждали, что еще скажет царь. Ведь неспроста он тайно вышел из дворца в такой поздний час. А то что он здесь с неофициальным визитом, было видно невооруженным глазом. Первое лицо царства был одет в поношенную тужурку, из-под которой торчали ножны, потертые кожаные штаны были заправлены в короткие сапожки из юфти. Несмотря на молодость, глаза у него были мудрыми, спокойными, только иногда, в очень редких случаях, в них взрывались искорки ярости. Те, кому не посчастливилось их увидеть, могли смело рассчитывать, что следующего утра они уже могут не увидеть. Царь у них отличался весьма уравновешенным характером. И своеобразным чувством юмора.

– Так что молчите? Ты же Жук сам часто говорил, что с этими дармоедами каши не сварить, им лишь бы свой кошелек потуже набить. Кстати, Афанасий, по-моему ты тоже жаловался на мздоимство моих чиновников и придворных лизоблюдов. А уж тебе Иван так вообще об этом надо мечтать. Сам знаешь, с какой нежной и страстной любовью тебя мечтают сжить со света. Своими проектами мне уже все уши прожужжали. Ты даже не представляешь какие изощренные планы иные выносят. Даже мне не по себе становится. Про остальных я умолчу, к ним тоже есть претензии.

Компания ошарашено молчала. Все знали, что их царь весьма мудр. Когда он взошел на престол, то дела в стране пошли в гору. К тому же он был опытен в придворных интригах, так что фаворитов у него не было. Все терялись в догадках, зачем он к ним пришел. Не обсуждать же, на самом деле, как навести порядок в управлении страной и городом. К тому же было предельно ясно, что он знает о них многое из того, о чем бы каждый предпочел промолчать. Это очень настораживало. От его слов пахло крупными неприятностями.

Первым нарушил молчание Коники. Он оторвался от своей чаши с пивом и равнодушно посмотрел на царя:

– Ну, если пришел с миром, так зачем запугивать честной народ. А если разборки чинить, то зови своих охранников. Может им удастся нас захомутать.

– Ты бы вообще помолчал. У нас с тобой разговор будет особый. Конюший уже всю жилетку мне проплакал, рассказывая о твоих похождениях в конюшнях. Я уже не знаю, кому всех твоих отпрысков раздавать, пони никому не нужны.

– Какие пони! – Не на шутку взъярился Коники. – Я наоборот, твоим доходагам кровь новую вливаю, а то смотреть на этих кляч больно. А то, что маленьким один жеребенок уродился, так эта кобылица сама была небольшого роста. Все остальные получились – одно загляденье. Ты мне жалованье за это еще должен платить, как породистому производителю. А то Ваньке одному меня не прокормить.

Царь с возрастающим удивлением слушал эту отповедь. Мало кто решался с ним спорить, а уж в таком тоне... Иван с опасением ждал справедливого царского негодования, понимая, что после таких слов Конику может не поздоровиться. Но на удивление царь спокойно его выслушал, чему-то ухмыльнулся, и как ни в чем не бывало, продолжил:

– Вообще-то я здесь не за тем, чтобы ругаться, и уж тем более слушать критику от какого-то мало воспитанного коня. – Пресекая дальнейшее возмущение Коники, добавил. – Все я о тебе знаю. Впрочем, как и о других тоже. Но сейчас это к делу не относится. Меня заботит другое. И почему-то я уверен, что ради этого вы сегодня здесь и собрались. Хотя нет, ошибаюсь, уже во второй раз.

Коники пробормотал себе под нос, но в тишине его услышали все:

– Какая же это зараза нас заложила? Вот бы поймать гаденыша...

– Кто? Это к делу не относится. Еще спасибо ему скажете, что меня предупредил о вашей тайной сходке. Без меня вам все равно ничего не сделать. Тут надо подходить гораздо шире, чем вы себе можете представить. Ну, хотел Иван сегодня посмотреть пророчества, ведь так?

А их и нет? Спер кто-то. Кто? Сам не знаю. Могу только догадываться. Кстати, уверяю тебя, Иван, что ничего хорошего ты бы там не нашел. Можешь завтра ко мне придти, у меня одна книга чудом сохранилась. А теперь подумайте сами, вот вы сидите здесь, решаете, что делать дальше. И никому не в домек, что похожие дела творятся и в других странах.

На этих словах все удивленно зашептались. Действительно, почему-то они были уверены, что только в Лесном царстве началось что-то нездоровое, с далеко идущими последствиями.

Царь между тем продолжил:

– Вот то-то же. Я еще раньше вас узнал, что Пророчества начались сбываться. Не спрашивайте, откуда и как, это государственная тайна. А теперь перейдем к другому вопросу. Что делать в этой ситуации. – Он помолчал, обводя всех внимательным взглядом. – Что молчите? Еще не придумали? Это вам не дрова тырить и налоги не платить. Но одному мне не справиться. Дело слишком щекотливое. Если Пророчества не подтвердятся, а они написаны слишком смутно, ты Иван знаешь, это не хуже меня, то выйдет форменный скандал. Мне он не нужен. Пойдут потом шуточки и анекдоты. Кстати, этого же опасаются и наши соседи. А вдруг все же что-то в Пророчествах есть? Значит необходимо срочно принимать меры. Но для этого неплохо бы найти написавшего эти Пророчества. И спросить у него, правда это, или нет. А заодно уж вызнать, что нам делать. Погибать в расцвете лет как-то неохота.

Иван переглянулся с Коником. Тот помотал головой, словно бы с чем-то не соглашаясь, а потом покорно сунулся в чашу и громко начал втягивать в себя пиво, выражая этим свой протест. Иван вздохнул, как будто собрался нырнуть и прямо спросил:

– Вы хотите сказать, что кто-то должен найти Бормотуха?

– Ну, почему же «кто-то». Ты меня, Иван, всегда радовал своим умом и сообразительностью.

– Это-то даже Коник сообразил. Но ведь же Бормотух сказочное создание. Тем более никто не знает, где он живет, и как к нему пройти. Если он существует на самом деле.

– Вот Иван и займешься этим делом. Кроме тебя некому. А насчет того, есть ли на самом деле этот пророк, и, как утверждают некие мудрецы, создатель нашего мира, я так думаю, что он существует, а значит, где-то обитает. Вспомни-ка, в одной из скрижалей говорилось, что все дороги ведут к Бормотуху. Но это при условии, что человеку очень надо с ним встретиться, и он будет не против этого общения.

– Что-то я не слышал, что бы с ним кто-то встречался.

– Ты не слышал, это еще не значит что этого не было. Встречались, и не один раз. Я точно знаю. Так что вот тебе мой совет, настройся как следует на встречу с Бормотухом, и тогда обязательно повстречаешься с ним. Тем более мне почему-то кажется, что и он будет тебе рад.

Допив свое пиво, царь резко встал, и уже от дверей добавил, но уже обращаясь специально к Коннику:

– Командировочные будут по высшему разряду, не беспокойся. И на тебя тоже выпишут. Я лично проконтролирую. А теперь позвольте откланяться. До скорой встречи.

Компания тоже начала быстро расходиться. Все с сочувствием посматривали на Ивана с Коником, отлично понимая, что их ждут опасные приключения, а помочь им они ничем не могут. Это очень расстраивало их друзей.

На следующий день началась предкомандировочная суета. Надо было не только собраться в дорогу, но и переделать все работы по хозяйству. А на дворе стояла весна, время пахоты и сева. Так что дни у Ивана с Коником пролетели незаметно. Хорошо, что хоть друзья помогли, кто, чем мог, ведь у них самих было дел по горло. Также они пообещали помочь Елене по хозяйству, если понадобится грубая мужская сила, а Иван, паче чаяния надолго задержится в дороге. Все были уверены, что Иван и Коник благополучно вернутся из своего загадочного путешествия. Во всяком случае, делали бодрый вид. В последние дни выяснилось, как неизвестный вор проник в хранилище. Он не стал рисковать, ломая заклятие на дверях

«Свой-чужой», а поступил гораздо проще, проник туда через печной дымоход. Рассказывая о проведенном дознании, Жук очень сильно ругался, поминая на чем свет стоит зря, строителей дворца, а также волшебника, поставившего магическую охрану.

– Вот же, обалдуй. Заклятия есть не только на двери и замке, но и на оконце, полу и потолке. А вот на эту дыру, болван магический, не догадался поставить. В общем, оказалось, что попасть туда проще простого, как в сараи нашего Дровишного. Там тоже оказалось, что стена вроде и есть, а на самом деле, доски висят на одном гвозде. Как они вообще не развалились, одному Лесу ведомо. Ладно бы воров завалило, а так и дворцовые истопники могли пострадать. – Разорвался Жук, обводя подозрительным взглядом компанию.

Слушая его, Иван с тревогой подумал, вот теперь точно всю зиму за дровами в лес ездить. Ну, надо же, как не повезло. Из-за этого недоучившегося или просто рассеянного колдунишки, такое мощное подспорье в хозяйстве накрылось. Он уже давно привык к мысли, что царские дрова его практически личная собственность. И оправдывался лишь тем, что это небольшая компенсация за его честную и полную опасностей, работу. Он посмотрел на своего друга, но тот ничего не сказал, лишь грустно помотал головой, и снова припал к пиву, видимо, утешаясь.

Кто-то постарался перевести разговор в прежнее русло, а то его выступление стало для многих досадным. Они скромно потупили глаза и скрыли покрасневшие щеки за кружками с пивом. Мысли о неотвратимом возмездии многим испортили настроение в такой чудесный вечер.

– Ты не отвлекайся на такие мелочи. Лучше подробнее расскажи, как все-таки ловкачу удалось туда пролезть.

– До обидного просто. Этот пролаза залез на чердак, замков там уже давно не было... слуги там, понимаете, иногда отдыхают, то есть с девками развлекаются, и казенное вино хлещут. – Жук был полон праведного гнева. Люди лишь сочувственно и понимающе покивали головами. Было очень похоже, что иные там тоже умудрились побывать. Во всяком случае, о вещах, творящихся на чердаках царского дворца, ходили развеселые рассказы. – Так вот, на чердаке, он сломал трубу, спустил вниз веревку и по ней туда-сюда шмыгнул. Дымоход-то широкий, сейчас таких не строят, экономят. Потом дыру снова заложил кирпичом и был таков. По всему похоже, что все-таки здесь побывал наш таинственный незнакомец. Афанасий, а тебе что удалось узнать?

Афанасий сидел и широко улыбался, пытаясь сдержать веселый смех. Потом попытался сделать серьезное лицо, но не получилось. Жук раздраженно махнул рукой.

– О том, как тот попал в хранилище? Я уже знаю. Даже знаю, чем он кирпичи выламывал. Как говорят воры, что кроме двери в дом, есть еще несколько входов, о которых даже хозяева не знают. Только их надо хорошо поискать. Так что, Жук, твоей вины здесь нет. Ведь дворец строили очень давно, и незнамо сколько раз ремонтировали, переставляли и достраивали. Так что дырок в нем очень много. Ты себе даже не представляешь. И дровяные сараи, это так, детский лепет. Ладно. По доброте своей душевной как-нибудь покажу. – И тут же торопливо добавил, видя, как вытягивается лицо Жука. – Но, конечно не все. Мне-то не жалко, а вот у других кусок хлеба, считай, из горла вырвем. К тому же, не знаю я всех щелей во дворце. А вот кто это был, это очень интересная история. Приехал этот маг..., да, да, именно маг, причем очень хороший, этой зимой. Пожил несколько дней на одном постоялом дворе средней руки и съехал. Откуда он взялся и куда подевался никому толком неизвестно. Служка вспомнил, что этот человек где-то пропадал две ночи. Он еще подумал, что тот где-нибудь загулял. Но вот что интересно и любопытно. Конечно, понятно, новый человек в городе, к тому же выглядел не как все мужики, так что видели и запомнили его многие. Но вот эти две ночи он нигде и никому не попадался на глаза. А после последней, сразу же рано утром он рассчитался, не торгуясь и не ругаясь и уехал. Причем, когда маг приехал, из багажа у него была только небольшой мешок за спиной, а вот когда уезжал, то нагррузил на лошадь три большие сумы. Тот же служка

подумал, что кто-то хорошо подзаработал на этом госте, продав кучу сувениров. Наши купцы в последний раз его видели уже на западной границе. Он куда-то сильно спешил.

Все помолчали, обдумывая сказанное Афанасием. И пришли к выводу, что ничего интересного разузнать не удалось. Разошлись поздно вечером.

Время отъезда, назначенное царем и местным звездочетом, стремительно приближалось. Откуда они взяли именно эту дату, никто даже и не подозревал, но почему-то царь очень настаивал именно на этом дне.

В последний вечер, перед выходом в неведомые дали, в Лесном уделе было очень грустно. Всех беспокоили тревожные мысли. Даже Коник по своему обыкновению не шутил, а молчаливо пил пиво. Впрочем, от него не отставали и остальные. Когда-то еще доведется собраться всем вместе.

В поисках неведомых знаний.

Или приключения начинаются.

Иван с Коником выехали из города рано утром. Коник свято верил в Ивана, а сам Иван – в свою счастливую звезду. Все-таки засиделись они за зиму в городе, которая выдалась на редкость скучной, очень хотелось новых впечатлений. Заспанные охранники с руганью открыли скрипящие ворота и выпустили друзей навстречу новым приключениям. Куда идти было не совсем ясно, но будущее им рисовалось в сдержанном оптимизме. И приключения не заставили себя ждать. Уже в полдень, когда друзья уже переговорили обо всем на свете, в полной мере насладились тишиной и покоем лесной дороги, они увидели менгир. Этот здоровенный древний каменный дорожный указатель лежал прямо посередине дороги. Не заметить его было трудно, еще сложнее обойти. Камень был такой древний, что аж в землю врос, плесенью и мхом весь покрылся. А за ним, как и положено, три кривые дорожки в разные стороны разбегаются.

Подходя к менгиру, Коник спросил:

– Ваня, а почему они такие тяжеленные. Помнишь, мы как-то пытались такой же поднять, так даже с места не сдвинули.

– Ты что не понимаешь, чтобы не уволокли. Сам знаешь, шутников в Лесу нынче много развелось.

Не успели они подойти вплотную к менгиру, как из леса прилетел их старый знакомый, Ворон.

– Уф, Ваня, еле догнал тебя, – прохрипел он, тяжело и неверно плюхаясь на верхушку камня. – Больно уж ты быстро едешь. – И дохнул перегаром. Потом спохватился, что не то что-то несет, и привычно каркнул: Кар-р-р! Кар-р-р!

Коник, верный конь и товарищ Ивана по всяким приключениям, неприветливо скосил глаз, не любил он пьяных, когда сам был с похмелья, и тяжело переступил потертыми копытами.

– Что, Коник, плохо тебе? Опять Царь весь кайф обломал. И куда, спрашивается, торопимся. – Начал издеваться Ворон.

Иван тихо выругался, и нагнулся к дорожной пыли.

Ворон, птица мудрая и старая, таких телодвижений насмотрелся, и знал, чем это грозит. Поэтому тяжело захлопал крыльями, пытаясь взлететь. Но тут, камень, пущенный тренированной рукой Ивана, попал прямо в левый глаз мудрой птице. Нелепо взмахнув крыльями, с тяжелым стуком Ворон упал за камень.

– Смотри-ка, Ваня, даже каркнуть не успел, – весело хохотнул Коник.

– Что б тебе, Ваня, напиться, да не похмелиться, – ласково похрипела птица из-за камня. Что б тебе ...

Дальше Иван не слушал, ничего нового, несмотря на свою мудрость, Ворон не скажет. Ведь это была их не первая встреча.

Иван неторопливо подошел к менгиру и провел рукой по теплому каменному боку. Потом присел возле него на корточки. С одной стороны камень был гладко отшлифован, и там были выбиты кривые буквы. Иван хорошо знал, что подобные инструкции надо обязательно прочитать. Выполнять их или нет, это уже отдельная история, а вот с наставлениями необходимо ознакомиться. Тем более, обычно, они были до крайности скупыми и лаконичными.

Он присел и стал смотреть на надпись, водя пальцем по неровным строчкам, внимательно глядя в кривые строчки, не обращая никакого внимания на птицу. И только он навестрился разобраться в выбитых каракулях, как Ворон снова подал свой голос.

– Что Ваня, так и не научился читать? – Ехидно поинтересовался он, высовывая клюв из-за менгира и моргая одним глазом. Рука Ивана непроизвольно потянулась за камнем. – Ладно, ладно тебе, я же пошутил.

– Слушай, дятел, – вступил в беседу заклятых друзей Коник. – Летел бы ты отсюда. Разве не видишь, люди важным делом заняты.

– Я не дятел, – оскорбилась древняя птица. – Я Ворон. Птица мудрая, триста лет прожил, жизнь видел. И таких как ты...

– Вот тресну башкой об этот дуб, и будешь дятлом, – пообещал конек. – Сказывай, чего приперся. Ведь поди, тоже из-за стола оторвали. И опять гадость какую-нибудь на хвосте принес.

– На хвосте сороки носят. А я с делом прилетел, – гордо промолвил Ворон, снова усаживаясь на верхушке камня. – Ванька-то наш опять чего-нибудь напутает и не туда попадет, вот Змей Горыныч и подсуетился.

– Лучше бы он со своей Василисой подсуетился, – пробормотал Иван, а его рука снова сама потянулась к земле.

Ворон нервно скосил здоровый глаз и торопливо прохрипел:

– В общем, ситуация стандартная, Ванюша. Налево пойдешь, от жены схлопочешь, направо – коня потеряешь, а прямо – сам пропадешь. Крайние радикалы замучают, – загадочно добавил Ворон. Потом помолчал и добавил. – Уф, совсем в горле пересохло, жажда замучила. – Заплывший глаз жалобно мигнул, влажно глядя на друзей.

– Лети, лети отсюда, самим мало, – рука Ивана по-прежнему шарилась в пыли. Тут нервы Ворона не выдержали, он хлопнул крыльями и тяжело взлетел.

– Стой, а кто такие Крайние радикалы, – запоздало заорал Иван.

Но Ворон сверху лишь злорадно прокаркал что-то насчет Ванькиной политграммы и растворился в вечернем небе.

Дочитав строчки, Иван заметил:

– Ворон хоть и сволочь порядочная, но сейчас не соврал. Все так и написано, как прокаркал.

– Лишь бы не накаркал, – сострил Коник.

– Интересно, зачем Горынычу все это надо. Неужели дела так плохи, что он сам решил нам помочь. Не верю я что-то в его доброту.

Пока друзья обедали и отдыхали от первых впечатлений, день перевалил за полдень, и они решили поторопиться. Ведь неизвестно сколько им предстояло идти. И главное – куда направить свои стопы. Иван по привычке подкинул стружку, мелкую местную денюжку. Коник тут же начал подсказывать, не обращая внимания на косые взгляды своего спутника:

– Орлом упадет, направо пойдём. Решкой – налево, а если ребром – прямо.

Иван только зло косился, а тому хоть бы хны. Видно и его верный друг не доверял памяти Ивана. Неожиданно случайный сквозняк, вырвавшийся из-за деревьев подхватил стружку и унес в лес. Оттуда раздался радостный возглас, потом затрещали ветки и кости, кто-то или что-то всхлипнуло и коротко застонало. Внезапно все стихло. Только летний ветерок легко шумнул в высоких кронах деревьев. Шумнул и улетел своей дорогой.

Друзья не обратили на странный шум никакого внимания. Мало ли какая нечисть шагает по Лесу. Вот когда вылезет, да начнет приставать к добрым путникам, тогда и будет видно: сражаться или быстро уносить ноги. А так, чего зря волноваться. И не такое Иван с Коником видели в этом Лесу.

Друзья помянули недобрым словом царский монетный двор за легковесность родной валюты и поехали налево, резонно рассудив, что из трех зол, надо выбирать наибольшее. Больше почестей и наград потом выпадет. Иван старался по мелочам не размениваться.

Стоило им только заехать за менгир, как увидели диво дивное. Во всей стране после вчерашних выходных была страшная засуха, а тут, сразу же за вросшим в землю камнем появилась большая, глубокая лужа. Она весело пускала в глаза солнечные зайчики. Из нее выходило три дороги. Даже не дороги, а так – еле видные колеи в высокой траве. И даже они вдруг стали мокрыми и скользкими, даже трава вокруг отсырела и покрылась росой, хотя солнце тоже пекло по-летнему.

Пригорюнился Иван и понял, что неприятности, кажется, начались. Он вздохнул и сел на конька, повыше подняв ноги в новых сапогах. Тот недовольно заворчал, нехотя вступая в грязную воду:

– Слышь, Иван, а вода-то теплая. – Коник, осторожно ощупывал копытами мягкое дно лужи.

– Ты давай, давай, шевели копытами, а то завязнем, кто вытаскивать будет. – И добавил, когда Коник замешкался на середине лужи. – А с тебя я все равно не слезу.

Коник все же удалось благополучно пересечь водное препятствие, проклиная чудеса Безумного Леса и царскую дорожную службу. Хотя она была здесь ни при чем. Давно было замечено, что не любит Лес каменных дорог, даже проселки еле терпит. Стоило не походить, не поездить по дороге месяц-другой, как она исчезала. Только пустые банки да бутылки в высокой траве указывали, где она проходит.

– Первый рубеж взят, – хмыкнул Коник. – То ли еще дальше будет.

За первым же поворотом дорожка стала опять сухой, но все такой же кривой и неказистой.

Долго ли, коротко ли ехали, а стало вечереть. Солнце быстро скатывалось за лесной горизонт, тени придорожных деревьев росли и падали на дорогу. Казалось, ее начали пересекать глубокие расщелины. Благополучно миновав очередной неожиданный поворот, друзья увидели красное пятнышко на горизонте. Предчувствуя скорую выпивку и отдых, Коник скорее зашевелил копытами. Кривая дорожка привела их прямо к маленькому уютному домику на высоком холме. С трудом поднявшись по крутому склону они подошли к нему и с трудом перевели дух.

Крыльца, как давно заметил Иван, в таких ситуациях не наблюдалось. На крутой двускатной тесовой крыше висел маленький красный фонарик. Вокруг него тихо зудела небольшая тучка дальних родственников вампиров: комаров и мошкары.

Настоящие вампиры обижались, когда эту мелкую и зловредную нечисть причисляли к их племени. Они с кровавой пеной у рта доказывали, что мелкие летающие кровопийцы живут сами по себе. И никаким боком они не родственники, даже отдаленные. И кто им перечил, мог запросто расстаться со стаканом другим собственной крови. Лишней, конечно же, последнее даже Вампиры-извращенцы не выпивали.

Глядя на эту зудящую темную тучку, тупо бьющуюся о стекло фонарика, Иван вспомнил разговор с Вурдалакычем, главным в вампирьем лесном племени. Как-то довелось с ним поболтать за жизнь.

– Какие же это родственники, если они сами у нас кровь пьют, днем житья от них нет, спать не дают. Если уж на то пошло, то они вам роднее.

– Это почему же, – удивился тогда Иван. Он был еще молод и неопытен.

– У комаров-то вестимо кто кровь пьет – комарихи. Самцы-то просто зудят и летают, никому не мешают, толкуются кучкой. Ну, сам понимаешь, как и простые мужики. А бабы ихние в этот момент кровь пьют, да так, что пока не треснет, не оторвется. Как и у вас – людей. А у нас нет, мы норму знаем. И даже наши женщины себе такого не позволяют, хотя...

Тут он нервно оглянулся по сторонам, замер, принюхиваясь и прислушиваясь, но вокруг было тихо, все домашние Вурдалакыча тихо мирно спали. День на дворе, вон как солнце ярко светит, в такое время у них самый крепкий сон. И хозяин вон как отчаянно зевает, того и гляди, челюсть вывихнет.

– Короче, нам пиявки ближе и родней чем эти кровососущие твари. Они же даже нас кусают, спать спокойно днями не дают. – Повторил он зевая. – Кровососы они и мироеды, а больше никто.

Иван оторвался от своих воспоминаний, совершенно сейчас лишних. Надо было думать о ночлеге. Совершенно не хотелось ночевать под открытым небом, сказывалось спокойное зимнее житье-бытье. Это потом станет совершенно без разницы, где и на чем спать, когда за лето напутешествуешься и нагуляешься, привыкнешь к свету звезд. А сейчас хотелось спокойно поужинать, а потом прилечь на чем-нибудь мягком. И чтобы уютно за печкой пел сверчок, а не ветер из-за кустов налетал.

– Избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом, – произнес путник дежурное приветствие. Немного подождал. Но ничего не произошло и после третьего приветствия.

– Эй, там, в конюшне, отворяй ворота, не вишь, гости знатные пожаловали! – Вдруг громко и возмущенно заржал Коник.

Тут же со скрипом приоткрылось маленькое оконце, и заспанный голос спросил:

– Это кого там черт принес, неужто Иван с Коньком на очередное задание отправились? Давненько вас здесь не было. У нас уж и пароль сменился. Теперь надо говорить: коттеджик, коттеджик. А вообще-то можете обойти домик кругом.

– Обломайся, недвижимость лесная, а то сейчас Риэлтеров позову, – снова рывкнул конек. – Ноги и так по самый круп истоптали, пока сюда добирались.

В лесу повисла тягостная тишина, этих тварей здесь никто не любил, и после захода солнца старались не поминать.

Смирившись с неизбежным, Иван не стал перечить, а спокойно произнес новый пароль для избушки:

– Коттеджик, коттеджик, повернись ко мне передом, а к лесу задом. – Потом, подумав, зачем-то добавил. – В натуре.

Из земли вылезли две симпатичные женские ножки в растянутых на коленях импортных колготках из лайкры, и, грациозно пританцовывая, развернулись вместе с избушкой. Почесались одна об другую и снова зарылись в землю. Друзья поднялись по крутым скрипучим ступенькам, без стука толкнули тяжелую дверь и вошли в темень горницы. Сразу же зажглась лучина, словно бы только и ожидая их появления. Слепшие от неожиданно яркого света, друзья быстро проморгались и опешили. Перед ними стояла очень красивая девушка. Причем одетая по последнему слову забугорной моды. Коник среагировал моментально:

– Ну, ты Яга даешь? Как помолодела, небось молодильного яблочка пожевала? Или влюбилась в какого-нибудь молодца? – Скомплиментил конек. – А может, снова в комсомол подавалась?

За последнюю пошловатую шуточку, Иван незаметно ткнул приятеля локтем в бок. С чувством юмора у бабки было плохо, вернее оно было, но весьма своеобразным. И потому тут же попытался за него извиниться:

– Извини бабушка Яга, сама знаешь, у моего друга было тяжелое детство. Так что с воспитанием у него большие проблемы. Сама знаешь, из Геракла воспитатель никудышный.– И тут же добавил. – И наши традиции знает плохо.

– Бабушка, с другими ведьмами уехала в командировку, на Лысую гору. Там у них секретный полигон. Вот сейчас испытывают ПО-2. Соединили два помела, хотят грузоподъемность увеличить. Поэтому сейчас в лесу очень опасно. Даже Горыныч свой обычный маршрут изменил. Надеюсь, вы понимаете, что это великая тайна. Все даже давали клятву именем Полишинеля. – Игриво взглянув на Ивана, она добавила. – А я внучка бабушки Яги. Вот на каникулы к бабушке приехала. Садитесь, добры молодцы, сейчас кушать подам.

Юная хозяйка начала хлопотать, накрывая на стол.

Иван и Коник не стали выяснять, откуда взялось мясо и иные продукты, только молча посмотрели на еще теплую печь и груды разной одежды, аккуратно сложенной в углу. Так же молча поели и легли спать. Иван постарался не обращать внимания на страстные внученькины взгляды.

Он еще любил свою жену. И хотел жить.

Унылую тишину ночи лишь изредка нарушал рев низко пролетающих каких-то объектов. Под утро они проснулись от далекого грохота, докатившегося из-за леса. Не успели они снова толком заснуть, как внучка их разбудила и стала собирать в дорогу. Друзья так же молча встали, позавтракали и отправились восвояси. За коттеджиком, как это водилось и раньше, дороги не было. А обидевшаяся внученька клубка почему-то не дала. Иван так и не понял, почему она так грубо нарушила освященные веками традиции. Лишь Коник понимающе хмыкнул, когда юная ведьма проводила их словами:

– Я бы тебе намотала клубочек, да ты не взял, – загадочно произнесла молодница. – Вот и возвращайся к перекрестку. Там вас уже ждут.

Резко развернувшись, она ушла в коттеджик, снова бросив на Ивана странный взгляд.

Мрачные друзья возвращались к менгиру. Лужа уже начала подсыхать, но задумчивый Иван все-таки снова взгромоздился на своего друга. Тот только тихо ругнулся, но спорить с ним не стал. Он по собственному горькому опыту знал, что когда Иван пребывал в таком задумчивом расположении духа, то лучше ему не перечить. Даже Елена в такие моменты старалась не попадаться на глаза мужу.

Когда они подъехали к знакомому каменному указателю, то снова увидели Ворона. В этот раз он был абсолютно пьян. С трудом сидел на верхушке менгира, и гнусенько ухмылялся. Наверное, узнал, что-то паскудное и радовался этому. Конек от такой наглости аж пену пустил, и желтые зубы наружу выставил. Завидно ему стало.

Старый Ворон, наклонив голову набок, с трудом фокусируя глаза на друзьях, с трудом проговорил, слишком четко разделяя слова:

– Влетел ты Ванек со страшной силой. С чистой и нечистой. Жена уже все про твои похождения с внученькой Бабы-Яги знает. – Задумчиво говорил старый Ворон, а сам внимательно наблюдал за тем, как Иван слезает с Коника, да зачем-то нагибается к самой дорожной пыли. – Ей Волшебный Кристалл с вашей записью, прямо с самого утра доставили.

Ивану надоело шарить в пыли, понял, что камни на дороге не валяются. Тяжело вздохнул и полез в переметную суму, бормоча себе под нос:

– Позавтракать надо, а то у внученьки какой завтрак, так, одно расстройство желудка и нервов.

Иван шарил в суму, коник капал слюной на дорогу, а ворон, успокоившись, вальяжно переступал с лапы на лапу, заложив крылья за спину. Он с трудом держал равновесия, но изо всех сил старался этого не показать. Заплывший глаз победно посверкивал всеми цветами радуги. Иван нутром чувствовал, что-то не договаривал посланец Горыныча. Он незаметно взвесил в руке каменный хлебец, что выдали ему в дорогу на царском хлебо-бетонном комби-

нате, и резко метнул в Ворона. Птица успела только моргнуть уцелевшим глазом. Камень со свистом пролетел над его головой, даже перья встопорчились.

– Хороший бросок. Классический, – похвалил Коник. – Только надо было чуть пониже взять.

Из-под Ворона, вниз по камню, скатилась серая струйка. Из-за ближних кустов, куда улетел хлебец, раздался истошный вопль и подозрительный треск чего-то ломаемого.

– Интересно, кто это там шастает, – равнодушно поинтересовался конек. В кустах затрепали ветки, поволокли что-то тяжелое. – Развелось в лесу всякой нечисти, отстреливать некому. Как же, сам Илюша в егеря записался, то-то Зеленые обрадовались.

– А вот этого не прощу тебе Ваня, никогда не прощу, – хрипло прокаркал Ворон. – Все Горынычу расскажу.

– Во, во, я же говорил, дятел ты, все стучишь, стучишь, вынюхиваешь, – обрадовался друг Ивана. – Лети, лети отсюда, а то у нас еще два хлебца осталось. А хлебцы знатные в этот раз получились. Гранитные.

– Что за Кристалл? Кто привез, не ты ли случаем, – равнодушно поинтересовался Иван. – На меня уж столько компромата насобиралось, что музей можно открывать. «Боевой и трудовой славы» имени меня.

– Не знаю. Горынычу и даже Бессмертычу такой мелочевкой как ты, заниматься лень. – Презрительно прищурил уцелевший глаз Ворон. – Может Долгоносик. А может Емеля под тебя копает. А может братишки-поросятки. Помнишь, как ты на них Риэлтера натравил.

Иван вздрогнул. Про Пиф-Пифа, Паф-Пафа и Пых-Пыха ходили самые гнусные слухи, которые пересказывали только шепотом и при этом нервно озираясь по сторонам. А Иван, ради смеха, как-то раз сговорился с Риэлтером, и пустил слухок, что, мол, скоро Царь всех будет уплотнять и лишние дома забирать в казну. Братишки испугались и за бесценок продали свои домишки Риэлтеру. То-то смеху было, когда они свои домишки обратно выкупали. Правда, потом заказали они Ивана Волку Позорному, местному киллеру. Пришлось срочно за море в командировку ехать. Спасибо Царю, вошел в тот раз в его положение. А потом, когда все немного успокоились, еще откупаться от них.

А в театре «У Буратино», когда он Карабасом, бывшим хозяином вырядился, вырядился и плеткой семихвосткой щелкал, тоже сначала смешно было. А потом Пудель-Артем Баскервильским псом прикинулся и всю ночь его гонял по лесу. И именно тогда, панкующая Мальвина наградила его нехорошей болезнью, да еще и жене капнула. А разъяренный Долгоносик пригрозил повесить на крюк для кукол. Так что с ними со всеми он в расчете. Сейчас даже стали здороваться. А к Долгоносику он уже давно привык, тот постоянно ему чем-то и за что-то грозит, и потом долго не разговаривает. Хотя они по-прежнему, как ни странно, оставались хорошими друзьями. Нехорошие воспоминания закопошились в голове.

«Нет, не то. От них такой подлости не должно быть, – попытался успокоиться Иван. – Здесь кто-то другой расстарался».

– А запись в Кристалле класс, – злорадно продолжал Ворон. – Там вы все втроем, в коттеджике, при свете красного фонарика развлекаетесь.

Видя их замешательство, он продолжил издеваться пуще прежнего, гнусаво и фальшиво причитая:

– Бедная, бедная бабушка, стоило ей только уехать в командировку, а тут ты с конем завалился. И совратил несчастную, наивную девушку. Как же ей в глаза то людям после этого смотреть? – Потом по деловому добавил. – Кстати, копию, говорят, Илюше послали, чтоб посмотрел защитник бедных животных, что ты с собственным конем делаешь, а потом вы вместе с девушкой.

Друзья растеряно переглянулись, ведь ничего не было. Такой долгий путь проделали, да еще с похмелья и на голодный желудок, так что после скромного ужина, они быстро сомлели и спали всю ночь без задних ног.

– Колдовство какое-то. Спали как убитые. – Вытаращил глаза от такого поклепа конек.

– Ага. Веселое кино, надо сказать, получилось. Прямо «Ночь живых мертвецов». А это колдовство – монтаж называется. – Весело закаркал Ворон, приплясывая на камне.

Видя смятение Ивана, Коник решил помочь другу.

– Ладно, пожиратель падали, чего прилетел, настроение испортить. Так испортил, лети, досматривай свое кино.

– Горыныч велел присмотреть, чтоб вы дальше пошли, и не вздумали возвращаться домой. А про Кристалльчик, это я так, на всякий случай рассказал. А то приедете домой, а там такой конфуз вас ожидает. Вот и решил предупредить, чтобы потом не удивлялись, если скандалчик случится. Ну ладно братцы, я дальше полетел. Некогда мне, заболтался я с вами. – Ворон посмотрел на каменный хлебец в кулаке Ивана, из которого уже начинала капать вода, на серую струйку под собой, уже начавшую высыхать на камне под весенним полуденным солнцем, и торопливо взмахнул крыльями.

Сам Горыныч в городе не любил бывать, постоянно жаловался, что там ему тесно и сразу же начинается клаустрофобия. Поэтому жил в Лесу, обосновавшись в горной пещере. Но за делами в городе зорко смотрел. Кто ему докладывал, доставалось тайной, но змей был в курсе всех событий и новостей. Зачем ему это было надо, никто даже не догадывался, тем более в людские дела он обычно не вмешивался.

За глаза его называли Герой или Герычем, но змей этих кличек не жаловал, и беспощадно наказывал наглеца, дерзнувшего его так обозвать. Обычно просто окатывал горячим дымом, или просто брал зарвавшегося человека в свою когтистую лапу и бросал куда подальше. Кому удалось побывать у него в гостях, с разочарованием в голосе рассказывали, что никакого золота и серебра у него в помине нет, но все же там было что-то необычное. Ивану как-то удалось там побывать и потом он долго пытался объяснить своим друзьям в Лесном Уделе, что же его так поразило.

– Ну, понимаете, пещера как пещера. Большая, теплая. Там даже стол и стулья есть, как я понимаю для гостей. Самому-то Гере это все ни к чему. Никаких сундуков я там не видел. Груд золота и украшений тоже. Единственная стоящая там вещь, так это подсвечник. Вот это настоящее произведение искусства! Здоровенный, весь из золота, камнями отделан, и такой ажурный, что кажется сильнее на него дунь и он сломается, или улетит. Хотя тяжеленный. Сам попробовал в руки взять.

Коник тут же его поддел:

– Что, Ванюшь, приглянулась вещичка-то, так сразу захотелось в своем хозяйстве где-нибудь приспособить?

– Да ты что! Кто же у Горыныча воровать будет, он ведь долго разбираться не будет, съест и вся недолга. А подсвечник я только с трудом от стола и смог оторвать, такой он тяжелый. И свечей на нем видимо невидимо. В пещере очень светло.

– А девиц там не видел? Ведь говорят, что он очень охоч до молоденького женского тела. – Не унимался Коник, с жадным любопытством слушая Ивана. Почему-то Горыныч попросил Ивана не брать с собой его верного товарища. Причину не объяснил, а лишь плотоядно ухмыльнулся. Иван тут же все понял, но Коник ничего объяснять не стал.

– Так кто же до него не охоч, – расхохотался Жук. – Ты сам, поди, всегда кобылиц помоложе выбираешь.

– Девушек там не видел. – Признался Иван. – Хотя очень внимательно все оглядел. Так что все врут легенды. Бабы поди сами и придумали, что Гера любитель пожить с молоденькими деваками. Как очередная дуреха с заезжим гостем исчезнет из города, так они рады на

него все грехи повесить. Нет, чтобы лучше за дочерью следить. А вот ощущения там действительно странные, как будто легкость во всем теле, и думается так хорошо. Мысли всякие приятные. Наверное, не зря говорят, что Герыч магией потихоньку балуется.

Иван очнулся от воспоминаний и долго смотрел вслед улетающей птице, потом положил смятый хлебец в суму и тяжело взгромоздился на конька. Тот снова зашаркал копытами по дорожной пыли, сворачивая на право. Из-за кустов, им вслед, смотрело несколько пар налитых кровью глаз. Дорога снова стала мокрой, извилистой и скользкой. Но за ближайшим поворотом она снова высохла, хотя осталась такой же извилистой.

Солнце торопилось скрыться за лесом, когда друзья выехали к небольшой извилистой речушке с покатыми берегами. Дорога была знакомая, не первый раз по ней проходили, поэтому всегда здесь ночевали, вон и старое кострище, оставшееся с прошлого года, еще заметно, ржавые консервные банки под кустами валяются. Путники поужинали заморскими консервами из личного запаса Ивана, а то Царский двор совсем обнищал. Правда, злые языки утверждали, что подвалы под царскими палатами битком набиты разной вкусной и питательной снедью. Но, на этот гнусный навет, Главный Хранитель царской Сокровищницы официально заявлял, что это стратегический запас на случай войны. И его трогать нельзя ни при каких обстоятельствах, тем более его очень мало. А уж Ваньке тем более там ничего не обломиться, так что пускай свои заграничные харчи ест, которые он из-за границы мешками возит.

Иван и Коник сыто завалились в мягкую траву, молча смотрели в темное небо и ни о чем не думали. Тихо журчала речушка, таинственно шелестел Лес, потрескивал угасающий костерок. Где-то, вдалеке, зародился тихий шум, потом быстро перешел в рев и визг, и над их головами, чиркнув красными полосками по черному небу, пронеслась эскадрилья. Так же быстро шум стих.

– А говорили, ночные полеты запрещены, – проворчал Коник. – Ишь, небесные тихоходы, со скоростью звука летают. Это, что новые ПО-2?

– Нет, пикирующие ступы дальнего действия. Видать на Юсу полетели. А то они нам обещали показать маму Кузьмы, жуткое дело надо сказать. – Иван очень хорошо знал внешнюю политику, в отличие от внутренней, так как из заграникомандировок не вылазил. – Давай спать, дружище. А то завтра день будет тяжелый, опять мне тебя терять. Надоело.

А терялся Коник у Ивана частенько. У них даже свой бизнес был такой маленький. Иван продавал коня на базаре, а тот, потом, при первой возможности сбегал. А если не получалось, то валился на пол и прикидывался безнадежно больным или даже дохлым. То-то новые хозяева пугались. Они наивные думали, что он подцепил какую-нибудь заразную болезнь. Поэтому тайно и быстро оттащивали куда-нибудь подальше в лес. А Коник только это и надо. Местные, правда, давно поняли их нехитрый трюк и только грозили друзьям кулаками или вилами завидя их на базаре, стоило им подойти к кмоу-нибудь. А вот всякие заморские колдуны и цари еще не поняли этот фокус, и поэтому, прослышав о чудесном коне, выросшем в самих Авгиевых конюшнях, предлагали Ивану очень выгодные сделки. И, по доброте душевной, друзья еще никому не отказывали.

А еще любил верный друг Ивана теряться возле кабаков. Зайдут, бывало, вместе в какой-нибудь придорожный кабачок, где их не знают или уже подзабыли. Хорошо посидят, медовухи выпьют, а потом всю ночь друг друга ищут. Только под утро и находят.

Путешествие продолжается.

Или все идет по неведомому плану.

Утро окрасило Лес нежным красным цветом. Эхо привычно разнесло над рекой и деревьями добрые утренние позывные и пожелания Коника этому царству, царю, ворону и так далее, насколько хватило терпения Ивана. Все-таки сказывалось воспитание Авгиевых конюшен, где конь провел молодость, да и влияние Геракла было заметным.

Низко-низко, над самыми верхушками деревьев, со свистом и визгом обратно пронеслась эскадрилья ступ. Иван задумчиво посмотрел им вслед.

– Не все вернулись. Видать жаркий был бой.

– Интересно, как там Юса поживает? После таких бомбардировок у них должен кризис разродиться. – Полюбопытствовал Конек.

– А у них всегда кризис. Что только они с ним не делают. И в трубочки сворачивают, и прошивают на десять рядов, и кулаком бьют, а ему хоть бы хны. Сейчас додумались крылышки к нему приделать, там очень надеются, что улетит куда-нибудь подальше.

– Как бы он к нам не прилетел, – забеспокоился Конек. – А то у нас своих проблем хватает, а тут еще кризис заморский свалиться. Да еще и крылышками. Тогда вообще не будет жизни.

– Не, через наши ПВО не прорвется. – Успокоил друга Иван. Потом, подумав, тяжело вздохнул и добавил. – А жизни у нас и так нет. Тяжело придется этому кризису, если забредет к нам, не выживет, бедолага. Ну, ладно, пошли, что ли дальше. Дорога сегодня длинная будет.

Через мелкую холодную речку перебрались вброд. Коник, поворачав для порядка, все же подставил спину другу. Выбравшись на крутой берег, они немного полюбовались весенними красотами Леса и излучины реки, и пошли дальше по кривой дорожке. День прошел без встреч и ненужных приключений. Это очень настораживало Ивана. Обычно, на этой дороге, сидел Соловей Разбойник, вон и будочка на высоком дереве среди толстых веток виднеется. А где же он сам? Непонятно. Кто же за дорогой следить будет. Если так дело пойдет, то все быстренько про правила движения забудут. Начнут низко на помелах летать, пьяным на конях да в “коробчонках” ездить.

– Обидно, Ванюш, – скосил глаз на седока конь. – Соловушки нет, а мы трезвые. Может, по этому поводу привал сделаем. Отдохнем. Ведь неизвестно, сколько еще ехать. Сам знаешь, какие пути-дорожки нас выбирают, все запутанные да кривые. На трезвую голову и не проедешь.

– Сам знаешь, на работе не пью. Да и откуда ты знаешь, что Соловей снова не спрятался где-нибудь за поворотом. От этого племени любых гадостей можно ждать.

– Это точно, схоронится в кустах за поворотом, а потом как выскочит, как выпрыгнет, да свистнет громко-прегромко и прощай твоя бедная головушка.

– А причем здесь моя голова-то? – Удивился Иван.

– Как это причем, штраф-то тебе платить. А твоя Елена семейный бюджет в своих слабеньких ручках крепенько держит. Это тебе не перед царской казной отчитываться. Спрос, сам знаешь, у Елены строгий, а расправа скорая и беспощадная. – Издевался Коник над Иваном.

Друзья грустно помолчали, вспоминая о своих прошлых подвигах.

В Лесу было по-весеннему тихо, только птицы пели в синем поднебесье. На чье-то пыхтение в густых кустах и треск веток, они не обращали никакого внимания. Хотя Иван случайно заметил, как в листве мелькнули чьи-то красные глаза, внимательно подсматривающие за ними.

Под вечер, из кустов раздалось громкое пыхтение и пение, на мотив одного очень популярного заморского хита:

Черный кактус,
Что ж ты гнешься
Над моею головой
Медовухи не дожدهшься
Захлебнешься ты слюной...

Дорогу перешли пьяные, как всегда небритые, покрытые прошлогодней листвой и сосновыми иголками, ежики. Они качались, цеплялись колючками за траву и деревья. Смешно шевелили красными носиками, наверное, вынюхивая еще выпивку.

– Где-то рядом пивная, – обрадовано проговорил Коник. – Есть такая народная примета. Если пьяные ежики попадутся на дороге, быть к вечеру пьяным.

Ежики посмотрели мутными глазами на друзей и попытались свернуться в клубочки.

– Привет, самоходные кактусы, – весело заржал конек. – До трактира далеко?

Ежики только посмотрели на шутника. Потом презрительно запыхтели и скрылись в кустах. Оттуда раздалась еще одна песня:

Из тумана, на поляну,
Под высококу сень дубов,
Выползали расписные
Жутко пьяные ежи.

Над высокими густыми кустами, как обычно внезапно, поднялся туман и скрыл веселую колючую компанию из вида. Разудалая песня тоже заглохла в плотной голубоватой вате тумана.

– Где проходят ежики, там обязательно поднимается туман, – задумчиво проговорил Иван. – Интересно, почему так.

– Да ничего загадочного. Это же не простые ежики, а Туманные. Понимать надо разницу. Они когда выпьют, начинают лошадь в тумане искать. Найдут ее, столкнут с обрыва и пойдут спокойно спать. Это у них такой прикол. – Объяснил Коник. – Хорошо еще, что ты со мной рядом идешь, а то бы они меня быстренько с обрыва сбросили. Видел, как на меня смотрели эти рожи колючие?

– А я слышал, что они только на столбы лазают, да по высоковольтным проводам ходят.

За разговорами незаметно выехали на большую поляну, а там чудо стоит, замок громадный, серый, неприветливый. Высоким каменным забором обнесенный. Сверху колючая проволока натянута. В бойницах зеркальная слюда поблескивает.

– Это кто ж такую махину построил. Месяц назад здесь проезжали, ничего не было. – Удивленно протянул Иван. – И кто там живет? Интересно.

– Ваня, здесь пахнет неприятностями. И притом, большими. – Тревожно пробормотал конек, раздувая ноздри и к чему-то принюхиваясь. Потом громко чихнул и замотал головой.

Дорожка вела к большим железным воротам. Над ними висел, криво прибитый, красный транспарант. Иван прищурил глаза, пытаясь прочитать в неверном свете заходящего солнца выцветшие бледно-желтые руны. Они оказались незнакомыми. Какой-то древний забытый язык. Наверное, еще сохранился из тех жутких времен, когда по лесу бродила Совесть и другие призраки, последыши жуткого Коммунизма. Тогда, говорят, было невероятное множество человеческих языков и диалектов.

– Этими рунами писали в древности, – проговорил Коник, задумчиво ковыряя копытом дорожную пыль.

– Знаю. Еще говорят, что тот, кто их прочитает и правильно поймет, что там написано, обязательно с ума сойдет. Уж, не от таких ли рун наш колдун рехнулся. Помнишь, он еще древней книгой хвастал, что в ней все ответы есть. Как же она называется?

– То ли «Сума», то ли «Кошелек», как-то так, что-то связанное с деньгами. А вспомнил: «Капитал».

– Здесь начертано: «Отдай долги, всяк сюда входящий». – Внезапно загрохотал голос. Друзья от неожиданности подпрыгнули. – Заходи, заходи, Иван. Поди, должок принес, а то я уже заждался.

Заскрипела незаметная калиточка, впуская друзей внутрь. Их встретил неприветливый охранник. Он был гладко выбрит, носил черные очки. Был одет в пятнистую зеленую куртку и штаны. Такой моды Иван еще не видел.

– Ванька, драпать надо! Это они, из древности. Точь-в-точь такой же в старом справочнике нарисован «Кто есть ху у Силовиков. Или о Силовиках: вредных, полезных и иных. А также методы борьбы с ними». – Запаниковал Коник.

Иван с тоской оглядел широкий двор. Он был залит асфальтом, нигде не было ни камушка, ни кустика. На время смирившись, им пришлось идти вслед за странным охранником. Когда они поднялись на высокое крыльцо, то даже не успели постучать, как тут же плотно скрипнула дверь, впуская их внутрь. Друзья оказались одни в огромном зале, охранник остался снаружи. Там стоял только один вращающийся мягкий трон на колесиках, обтянутый черной кожей, сделанный фирмой «Винигретти».

– Отдай долги, облегчи душу, и будешь спать спокойно. – Опять заорал голос. Его эхо долго бродило по пустому залу, звякая стеклянными висюльками на люстре, слепо тыкаясь в голые стены и прокуренный потолок.

– Какие долги, – непритворно изумился Иван. – Да и нету у меня денег. Я ж в командировке.

– Кто это здесь вякает. – Конику надоели непонятные наезды.

– С тобой не вякает, а разговаривает мудрый и ужасный Волшебник Изумрудного Доллара. И мое дело правое, так как на правой дороге стоим. – Продолжая вопить, понес окоlesiцу голос. – И подчиняются мне все ясачные инспекторы. И инспекторы податей, и ваш главный Железный Дровосек, вы его еще царским казначеем кличете. Так что, скотина необразованная, молчи. Лучше бы копыта вытер.

– Значит, у тебя Закрома Родины находятся. А то мы уже все ноги стерли, ищущи их. Нас Царь за ними прислал. Говорит, что спер их какой-то злой дух. – Иван решил сам наехать на страшный голос, свято помня древнюю мудрость: «Кто дрейфит, тот гибнет». – Так что гони награбленное. А то в стране жрать нечего. Народец возмущается. Того и гляди, опять чего-нибудь учудит.

– Ты что, Ваня, белены объелся. Это ты должен долги Родине отдать. За границу сколько раз ездил, а, я спрашиваю? А где отчеты, что-то я до сих пор не вижу. А сделки с недвижимостью, а игра на тотализаторе? – Голос еще долго перечислял Ивановы левые и правые заработки. – Короче, я здесь подсчитал, должен ты мне Иван своего коня отдать. – И, помолчав, загадочно добавил. – В счет долгов и по взаимозачету.

От таких цифр и слов у Ивана закружилась голова. Он побледнел и непроизвольно зашарил рукой в поисках чего-нибудь метательного. Но в зале было пусто, а сума осталась во дворе. Предусмотрительный охранник их обыскал и отнял все опасные предметы. Даже крошки из кармана заставил вытряхнуть.

– А по бартеру не хочешь, – не выдержал Коник. – Мы сейчас вагон отгрузим и голубиной почтой вышлем.

– Нет, принимается только натура, – не понял шутки голос. – У меня заведение приличное и солидное. Принимаются только чеки: «Лес-экспресс», «Кредит-наезд» и «Ковер-эрлайнз». Мы свое реноме очень бережем. Ты, скотинка гривастая, даже не представляешь себе, на какой недосыгаемой высоте находится наша репутация, а какая она хрустально чистая, как родниковая вода.

– А кредитки «Меж Лесной кредитно-долговой ямы» не берете. Мы там почетные постояльцы, завсегда самое теплое местечко уступают. Можем и тебе посодействовать, так сказать, по старой памяти словечко замолвим, глядишь, и тебе место поближе к окошку найдется. А насчет репутации..., кстати, Ваня, это слово ругательное или как, можно сразу кастетом по этой самой репутации заехать, чтоб не чирикал здесь.

– Ты мне уши не заговаривай, иди в стойло. А репутацию можно только подмочить, скакунчик необразованный. А с Иваном у меня еще разговор есть.

– Эй, голосок, личико-то покажь, – продолжал издеваться Конек-Горбунок. – Мы на него сейчас макияж ложить будем. И заодно уж проверим кислотно-щелочной баланс твоих зубов.

Между тем Иван бочком-бочком продвигался вдоль стены, пытаясь определить, откуда исходит голос. И вдруг исчез за темными тяжелыми портьерами.

– Да уж, давно к «Вампир энд компани» обратиться надо, – закручинился голос. – А то пока учился, все зубы об гранит науки истер. А все из-за чего, что б вас, злостных неплательщиков выявлять! – Вдруг озлился голос, да так, что от эха начала осыпаться копоть с потолка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.